



# Олег Кулагин

## Русские сумерки

*Издательский текст*  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=2685505](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2685505)  
*Русские сумерки: Эксмо; М.; 2011*  
*ISBN 978-5-699-52683-3*

### **Аннотация**

После запуска в России мю-коллайдера, который должен был дать бездну почти дармовой энергии, на всей Земле наступили Сумерки – время, когда каждый выживает, как может. Планета, словно язвами, покрылась Зонами, где смертельно опасные ловушки перемежаются с артефактами, которые можно продать с большой выгодой, но попробуй их еще достать?

Глеб Гордеев, обыкновенный россиянин эпохи Сумерек. Живет он в захолустном Колядинске, по профессии – трикстер. Это только в книжках «досумеречной» эпохи охотники за артефактами – бесшабашные искатели удачи. В реальной жизни они трудяги на службе государства или частных корпораций. Перед каждым проникновением в Зону – медосмотр, после – тоже. От хищных мутантов отбиваться самостоятельно. Добычу сдавать всю без утайки. Но Глеб не из тех, кто вкалывает на «богатого дядю». Он вольный трикстер. Сам на себя работает и сам за себя отвечает. К тому же с Зоной у него личные счета...

# Содержание

Пролог	4
1. Четыре года спустя	12
Глава 1	12
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	41
2. Год Чёрного Дракона. Весна	49
Глава 1	49
Глава 2	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

# Олег Кулагин

## Русские сумерки

### Пролог

Когда вице-премьер очнулся, вокруг были сумерки.

Но он всё же разглядел свою машину. Тяжелый «Мерседес» съехал в кювет. Одна дверца – распахнута. Рядом лежало тело – охранник или водитель...

Вице-премьер сначала сел, потом поднялся на четвереньки. Голова болела, в ушах – звон. Мысли были неповоротливые, вязкие:

«Что? Где я?»

Потом он вспомнил. Но легче от этого не стало.

Надо бы подойти к машине – проверить, вдруг кто-то жив?

«Нет!»

Страх – липкий, безотчётный – уже гнал его к лесу. Он вскочил и бросился через кусты, ломая ветки и до крови обдирая руки.

Бежал, пока хватало сил, пока в груди не запылало огнём.

В низине, у торфяников, отыскал лужу и долго пил мутную воду. А колотившееся сердце барабанно отзывалось в висках: «Что же будет? Что теперь будет?»

Он брёл, не разбирая дороги. Хотелось затеряться в чаще – там, где не найдут. Он ждал, что спасительная ночь опустится, укроет его во тьме. Но сумерки всё не кончались. И, выбившись из сил, он свалился под сосной – на мягкую палую хвою.

Сразу уснул – провалился куда-то в чёрный болотистый ад. Даже во сне он бежал, но болото не пускало. И с каждым шагом он всё глубже уходил в смердящую бездну...

Когда вице-премьер открыл слипшиеся веки – вокруг опять были сумерки. Он посмотрел на часы: стоят! Вытащил мобильник: не работает! В сердцах зашвырнул новенькую «Верту» в кусты.

Сколько же прошло времени? Час, сутки? Пара дней?

Он не знал.

Голова уже не болела. Только ныли мышцы. И вообще он чувствовал себя как-то странно.

Вскочил и опять бросился напрямик через лес. Продирался сквозь бурелом, ковылял чавкающими под ногой низинами. А солнце всё не всходило. И густая мгла так же застилала небо.

«Это хорошо. Просто замечательно!»

С воздуха его тоже не увидят. Его не найдут!

Страх притупился. Зато новое, острое чувство гнало вперёд, пробирая до самых кишок.

Голод.

Он наткнулся на узенькую речушку с заросшими осокой берегами и долго пил невкусную, отдающую тленом воду. Отыскал кусты черники, срывал ещё незрелые ягоды, жевал вместе с листьями.

Ничто не помогало.

Голод взял верх над страхом.

Он вышел на поляну, к сторожке лесника.

Там было безлюдно. Только ветер скрипел ставнями. И валялся изглоданный до белых костей скелет лошади.

Вице-премьер обошёл хижину вокруг, обыскал всё внутри. Обнаружил старый плесневелый сухарь – в углу на подвесной полке.

Жадно впился в него зубами, захрустел, перемалывая челюстями. Проглотил, не чувствуя вкуса. Торопливо вышел и склонился над глубокой лужей. Оттуда на него посмотрела неузнаваемая физиономия – заострившаяся, покрытая длинной щетиной.

Вице-премьер отшатнулся. Поправил яркий, испачканный черникой галстук. И всё-таки глотнул мутной воды.

Сейчас она показалась ему восхитительной, как бордо сорок восьмого года.

Второго глотка сделать не успел. Замер, ощутив на себе чужой взгляд.

Повернул голову. И увидел волка – близко, как в зоопарке. Крупного, серого с рыжеватыми подпалинами...

Они смотрели друг на друга несколько секунд.

У зверя были впалые бока. Кажется, его тоже пригнал голод. А может, он давно не боялся людей...

Вице-премьер медленно встал.

Волк глухо зарычал.

Вице-премьер улыбнулся. Ему не было страшно. Совсем иное чувство его переполняло...

Зверь оскалил зубы, медленно попятился. Вдруг развернулся всем своим крупным телом и бросился к лесу.

Волк бежал легко и стремительно.

Но вице-премьер нагнал его в три прыжка. Подмял под себя, зубами вцепился в загривок...

Отчаянный визг раздался над поляной. И сразу утих.

Дальше было, как в тумане. Как в сладком тумане...

Острый запах крови. Сладкий, до дрожи волнующий вкус...

Лучшее из того, что он пробовал...

А ещё – удивительное чувство легкости и собственной силы.

Очнувшись, вице-премьер обнаружил рядом растерзанное волчье тело. И засмеялся. Впервые с момента аварии ему было хорошо.

Он здорово испачкался. Но это пустяки.

Голод не исчез, зато ощутимо притупился. А главное, теперь он знал, на что способен. Там, в этих кондиционированных кабинетах, он не ведал и сотой доли того, ради чего стоит жить!

Запахи, звуки, краски – всё вдруг стало ярким. Сейчас, в сумерках, он видел куда лучше, чем раньше при свете дня!

И он уже не чувствовал себя беглецом.

Будущее не страшило. И даже не волновало.

Время потекло незаметно.

Он без труда выслеживал, ловил зверьё – крупное, мелкое, любое, какое попадалось. Рвал плоть зубами и пальцами. Насыщался и спал.

Он был настоящим хозяином леса – можно сказать, идеальным реформатором. И не имел оппозиции – потому что растерзал медведя. А волчья стая сама убралась от греха подальше.

Только одно не давало ему расслабиться – голод. Ведь плоть зверей никогда не насыщала до конца. Ноющее чувство оставалось жить внутри и беспокоило даже в снах. Даже там он рыскал, бегал в поисках чего-то неизвестного, манящего, способного погасить этот неутолимый голод.

А наяву – поиски продолжались. Он наматывал круги по лесу, всё ближе подходил к дорогам.

И однажды на тропинке вице-премьер встретил человека.

Девочку лет двенадцати с корзиной грибов.

Дрожа от волнения, ощутил новый запах – сладкий аромат её крови.

Шагнул навстречу из-за кустов.

Она побледнела. И он спохватился – вид у него впрямь не очень. Разорванный костюм, рубашка и галстук в тёмных пятнах.

Исправляя впечатление, он улыбнулся:

– Здравствуй! Меня зовут Анатолий Борисович.

А невоспитанная девчонка бросилась наутёк.

Глупо.

Он догнал её одним прыжком...

*За месяц до этого*

...едва не угодили в пробку. Так что путь затянулся минут на десять. Но пролетели они незаметно – под его любимые «Битлз», звучавшие в салоне бронированного «Мерседеса».

Когда в Сколково охранник распахнул дверцу – вице-премьер ловко, пружинисто шагнул наружу. Белозубо улыбнувшись, пожал руки встречающим и легко, словно молодой, избежал по ступеням главного входа мю-станции.

Он знал, что всё уже подготовлено. А значит, будет идти как по маслу!

В конференц-зале ждали журналисты. Там пахло табаком и свежим кофе – запах переместился из местной столовой, откуда корреспондентов увели минут пять назад. Аромат был тонкий, едва уловимый – вентиляция работала хорошо. Но вице-премьер ощутил его ещё у порога – такой знакомый по десяткам пресс-конференций.

Это – как запах лошадиного пота для ветерана скачек...

Анатолий Борисович прищурился и шагнул вперёд.

Сразу оказался под объективами фото- и видеокамер. На мгновение задержался, приветственно поднял руку. Быстрым взглядом окинул собравшихся. И с удовольствием отметил – никто не отказался от аккредитации.

Вопреки слухам о его близкой отставке, здесь были и «Первый», и НТВ, и даже «Россия» – чтоб запечатлеть момент его личного триумфа!

Лукаво подмигнув репортёру «Вестей», он занял место за столом.

«Отставка? Как бы не так! Ещё посмотрим, чьи головы полетят... Особенно теперь!»

– Давайте обойдемся без предисловий.

Посыпались ожидаемые вопросы:

– Анатолий Борисович, вы уверены, что мю-коллайдер способен обеспечить энергией Москву?

– Вера тут ни при чем. Я люблю иметь дело с цифрами. Согласно расчетам, электричества хватит не только для Московской, но и для двух соседних областей.

– Значит, можно ожидать снижения тарифов?

– Не всё так сразу. Хотя в отдалённой перспективе это реально.

– Насколько отдалённой? Ведь учёные говорят, себестоимость энергии, произведённой мю-коллайдером, стремится к нулю...

Вице-премьер улыбнулся:

– Зачем такому уважаемому каналу повторять заголовки бульварной прессы? Тем более что это экономически безграмотно.

– Но ведь одной из заявленных целей было создание источника дешёвой...

– В СССР когда-то уже пытались всех снабжать дешёвым электричеством, бесплатными квартирами. И чем кончилось? В эффективной экономике не бывает ничего бесплатного!

– Анатолий Борисович, – подал голос корреспондент «РЕНТВ», – а как прокомментируете слухи о том, что именно вы являетесь одним из совладельцев компании «Мю-Энерго»?

Вице-премьер улыбнулся ещё шире:

– Как государственный человек, я не занимаюсь бизнесом. И если бы доказали обратное – никто не стал бы держать меня на этой должности. Вы знаете, как решительно настроен наш президент...

– А правда, что коллайдер в Сколково обошелся в пять раз дороже Европейского Большого Коллайдера?

– Вопрос некорректен. Во-первых, в Европе никто не публиковал официальных отчетов. А во-вторых, эти генераторы имеют совершенно разные конструктивные особенности, – хладнокровно моргнул вице-премьер. – Думаю, вопрос следует адресовать специалистам...

И ловко перевёл стрелки на конструктора и главного инженера.

Следующие минут десять они вываливали на зал потоки технической информации, выводили на экран яркие графики, диаграммы.

И всё шло нормально, пока не прозвучала фраза:

– Система безопасности имеет тройной контур и потому обеспечивает надёжную защиту...

– Нет никакой защиты! – резко выпалил кто-то с места.

Конечно, вице-премьер знал этот скрипучий голос. И он давно заметил сидевшего в углу долговязого неуклюжего бородача.

Всё было вполне предсказуемо.

– Никто не может гарантировать безопасность, – повторил бородач и от волнения стукнул по спинке кресла. – Потому что не учтён эффект дальнего действия!

«Удивительно, как долго он себя сдерживал».

Комната озарилась фотовспышками. Операторы разворачивали видеокамеры.

Анатолий Борисович лукаво прищурился.

Всё шло по плану. Ведь он сам пригласил сюда Малютина.

– Уважаемый профессор, поверьте, мы серьёзно относимся к фундаментальным разработкам Института высоких энергий...

– Вы обманываете людей. Мю-генерация влияет на связность вакуума. И если нарушится структура пространства...

– Константин Георгиевич, мы в курсе ваших доводов. Но большинство экспертов их не разделяет. Кстати, не только в России.

– Строить под Москвой коллайдер такой мощности – преступление!

Вице-премьер улыбнулся:

– А перекрывать Рублевское шоссе – не преступление? Разумеется, можно собрать ещё пару митингов, напечатать в сети гневную статью. Но ведь вы же учёный. И если большинство специалистов не разделяют вашу точку зрения...

– Эти люди давно финансируются «Мю-Энерго»!

– А разве ваш институт не получил грант на создание фокусирующей системы коллайдера? Если не ошибаюсь, вы один из главных исполнителей по тому проекту...

Малютин смущённо кашлянул. Он не мог отрицать очевидное. Не умел придумывать ловкие отговорки.

«Честность – вот его слабое место».

Вице-премьер добавил:

– Правда, в итоге мы были вынуждены предпочесть более технологичную систему французского производства...

Среди журналистов пополз ропот.

– ...Понимаю, что Константину Георгиевичу был неприятен такой наш выбор.

– Это не относится к делу. Речь идёт о безопасности!

Вице-премьер с удовольствием окинул взглядом зал:

– Наверное, «Мю-Энерго» – очень зловещая организация. И очень могущественная.

Потому что вопреки соображениям безопасности заставляет строить коллаидеры по всему миру – в Штатах, в Европе...

Репортёры заулыбались.

– ...Китайцы на днях запустили генератор – в четыре раза мощнее нашего!

– Вы хотите сказать, это что-то доказывает?

– А чего вы хотите, Константин Георгиевич? Опять обрекать Россию на катастрофичное отставание? Пятиться назад, когда остальное человечество делает рывок к прогрессу? Точно так же у нас в своё время запрещали генетику и кибернетику!

– Ну при чём здесь кибернетика... – Малютин раздражённо махнул рукой.

Повисла пауза.

Вице-премьер ждал. Он не торопился, наслаждаясь эффектом. В сущности, главное было сказано.

Но физик ещё этого не понял и пытался найти доводы – ясные, простые слова. Ему чудилось, что удастся хоть немного пригасить насмешливые огоньки в глазах журналистов.

– Каждый новый коллаидер изменяет вокруг себя пространство... Европейские генераторы расположены слишком близко. Мы проводили расчёты – безопасная зона начинается за сотни километров. Поймите, в этих условиях запускать коллаидер под Москвой – чистое безумие!

Анатолий Борисович усмехнулся:

– Боюсь вас огорчить, профессор. Но генератор в Сколково уже работает.

– Что?!

– Целых два дня – в штатном режиме. Без всяких неожиданностей и «резонансов».

А коллаидер такого же типа и в полтора раза большей мощности целую неделю снабжает электричеством весь Новосибирск.

Репортёры зашушукались, загудели недоумённо.

– Тогда какого лешего вы пригласили нас только сегодня?! – возмутился толстый корреспондент НТВ.

Вице-премьер поднял ладонь и кашлянул.

Аудитория притихла.

– Вынужден извиниться перед СМИ. Нам действительно пришлось задержать информацию. Речь шла о престиже страны. В условиях, когда крупнейшие державы пытаются застолбить позиции на новом энергетическом рынке, мы не могли рисковать. В случае неудачи это серьёзно подорвало бы к нам доверие инвесторов. Речь – о десятках миллиардов долларов!

– Вы уверены в цифрах? – сверкнул очками репортёр «Коммерсанта».

– Вполне. Ведь на пороге – новая эпоха в истории человечества. Эпоха «чистой» энергии. Не надо больше сжигать невозполнимые ресурсы. Не надо думать, куда девать радиоактивные отходы. Энергия, которую можно качать просто из вакуума, изменит мир!

– Вы говорите как поэт.

– Нет, – вздохнул Анатолий Борисович, – я говорю как менеджер. Поверьте, уже скоро вы не узнаете Землю!

Обвёл взглядом аудиторию и добавил тихим проникновенным голосом:

– Сегодня – необычный день. Двенадцатое июня – главный праздник России. Когда в этот день наша страна сделала первый шаг к уничтожению тоталитарной империи. И именно сегодня, двенадцатого июня, мы откроем для России новую эпоху: выведем на полную мощность два генератора – здесь, в Сколково, и в Новосибирске!

– Это безумие... – хрипло повторил Малютин.

– Прошу всех пройти в операторный зал. Вас, Константин Георгиевич, тоже...

Помещение оказалось просторное, так что толпа репортёров хоть и с трудом, но уместилась в огороженной для них части зала. Шеренга охранников ждала наготове – пропустила к операторским пультам вице-преьера, технических специалистов и замерла, отсекая остальных.

Мрачный Малютин выглядывал из-за плеча охранника. Он понимал, что теперь ничего уже не изменить. И тяжелее всего – осознавать, что он тоже приложил к этому руку.

Семь лет назад его лаборатория получила первые результаты. Событие в физике – фазовый переход в вакууме... И это в обшарпанном полуподвале, используя кое-как, «на колене» собранный макет установки.

Тогда они мечтали лишь о том, чтоб выбить новые гранты. Ради этого Малютин писал восторженные научно-популярные статьи, твердил в интервью, что «само окружающее Землю пространство-время будет неисчерпаемым ресурсом энергии».

В тех словах не было лукавства.

Но главное, чего хотелось – и ему, и остальным сотрудникам, – работать. Наконец-то работать, после жалких лет прозябания на копеечную зарплату, когда даже старый процессорный блок, принятый от американских коллег в качестве гуманитарки, казался сказочным богатством...

И Малютин своего добился.

На базе лаборатории создали Институт высоких энергий. Правда, совсем иные люди оказались у руководства. Но это его не огорчило – ведь теперь он всерьёз мог заниматься нуль-физикой. Теперь не надо было унижаться из-за каждой необходимой мелочи.

Малютин помнил то сказочное чувство свободы – когда удаётся всё, к чему ты стремишься...

На какое-то время он даже перестал замечать происходящее в большом мире – вне институтских стен. Кроме работ коллег его вообще мало что интересовало. Фундаментальная наука тем и хороша, что освобождает разум – так ему казалось.

Без сомнения, он знал, что однажды эксперименты и вычисления превратятся в реальные вещи. Ради этого работал. И случиться это должно было максимум лет через двадцать...

Но большой мир продиктовал свои условия.

Многие факторы сплелись в тугой узел. Цена на нефть, астрономически взлетевшая после иранской войны. Авария на украинском газопроводе, которая прервала поставки газа в Европу. И теракт на атомной станции в Провансе – французский Чернобыль.

К тому времени во всём мире уже действовали несколько мини-коллайдеров – способных обеспечить энергией максимум небольшую деревню. Их не воспринимали всерьёз.

Когда в сеть просочилась информация, что американцы строят на Аляске огромный мю-генератор, – тогда всё и началось.

СМИ окрестили это «коллайдерной гонкой». Большие амбиции, большие деньги вступили в игру. Уже весной следующего года первая энергостанция нового типа была запущена под Анкориджем. Месяц спустя – в Айове. И почти одновременно – вблизи Лиможа и в Эрфурте.

Теперь уже поздно было что-то менять. Без толку публиковать расчёты, подтверждавшие наличие предела связности вакуума. Да, отдельные упрямы, вроде Малютина, твер-

дили, что огромные коллаидеры могут фатально исказить пространство. Но эти голоса тонули в восторженном хоре, воспевавшем приход новой эры «чистой» энергии.

Теперь всё решали деньги!

– Мы много работали, чтоб этот день наступил! – в голосе вице-премьера звучали торжественные нотки. – И я хочу поблагодарить всех, кто отдал силы для благородной цели. В первую очередь – вас, Константин Георгиевич!

– Да пошёл ты... – буркнул Малютин.

Кто-то из стоявших рядом журналистов улыбнулся. Остальные не расслышали. Всё их внимание теперь было приковано к новенькому пульта управления. Вице-премьер ещё говорил какие-то высокопарные фразы о торжестве глобальной демократии, о науке, расцветающей в условиях свободного рынка. А главный инженер уже сидел за пультом, и его пальцы нервно подрагивали рядом с многочисленными тумблерами.

Конструктор маячил в сторонке. Он казался абсолютно спокойным, только приспущенный узел галстука его выдавал.

– Думаю, можно начинать, – наконец скомандовал вице-премьер.

И пальцы инженера легли на первый тумблер. Раздался лёгкий щелчок.

– Как видите, у нас тут всё по старинке – никаких «мышек» и тачпадов, – пошутил Анатолий Борисович. – Консервативно, зато надёжно!

Ещё один щелчок.

Вспыхивают индикаторы.

На огромном экране, висящем над пультом, зелёным светом озаряется геометрическая фигура причудливой формы.

– Ускорительный модуль В – готов к запуску! – сообщил главный инженер.

– Подготовку продолжить!

Следующий ряд тумблеров. Наливается зеленью вторая фигура.

– Модуль С – готов к запуску!

– Включить режим ожидания!

– Модули в режиме ожидания!

– А теперь, – улыбнулся вице-премьер, – осталось повернуть вот эту красную штучку.

– И что произойдёт? – уточнил щекастый корреспондент НТВ.

– Запустятся дополнительные блоки. Возрастет объем вакуума, охваченный фазовым переходом. Мощность коллаидера увеличится в три раза!

Пальцы вице-премьера потянулись к тумблеру.

Малютин закрыл глаза.

Он вдруг вспомнил первое своё интервью против «коллаидерной гонки». Журналистка Юлия из газеты профсоюзов допытывалась: «И чем же опасен этот ваш резонанс?» А он никак не мог толком ответить – перевести ряды формул в ясные бытовые термины. Сбивчиво рассказывал, что последствия могут быть не только локальные, но и глобальные.

«Взорвутся энергоблоки на всех мю-станциях?»

«Это вполне реально. Но что ещё хуже – цепная реакция, которая может охватить Землю, – всё окружающее нас пространство может перейти в иное фазовое состояние – низкоэнергетическое...»

«И что это значит?»

«А вы представьте, что в вашем доме вдруг испарился фундамент. И то, чем вы дорожили, что знали и любили, вдруг страшно, непоправимо изменилось!»

Кажется, она так и не поняла.

Но скоро ему не придётся объяснять. Скоро все ощутят, каково это – жить в неизвестном мире, в доме с исчезнувшим фундаментом...

– Константин Георгиевич!

«Что? Это меня?»

Малютин удивлённо открыл глаза. И журналисты, и вице-премьер выжидательно на него смотрели.

– Я не понимаю...

Анатолий Борисович поощрительно ухмыльнулся:

– Просто было бы справедливо именно вам, как первооткрывателю, доверить эту честь, – он кивнул на красный тумблер.

Малютин вздрогнул. Стиснул челюсти и вдруг кивнул:

– Конечно!

Охранники расступились. Помешкав секунду, физик шагнул за оцепление. Десятки объективов повернулись в его сторону. Вице-премьер расплылся в улыбке – вот идеальный финал! Жирная точка в конце «антиколлайдерной» истерии!

– Прошу вас, – подбодрил он физика.

– Да, – сухо выдавил Малютин.

И в следующий миг, с быстротой, неожиданной для его нескладной фигуры, рванул на себя металлическую секцию ограждения. Она взлетела в его руках, описав дугу в воздухе. Конечная точка этой дуги была там, где светился огоньками пульт и маячила застывшая физиономия вице-преьера!

Остановить всё одним ударом!

Но охранники успели перехватить секцию. Вырвали её из рук и скрутили Малютина.

– Эх, профессор, – зло сощурился Анатолий Борисович. Полез в карман, достал платок и промокнул на лбу испарину. – Уберите его отсюда! Лучше сразу выведите за территорию. Чтоб духу его не было! Приношу извинения за досадный инцидент...

Малютин ещё упирался, дюжие охранники ещё волокли его через толпу, когда раздался спокойный голос вице-преьера:

– Наверное, не стоит дальше откладывать. Вдруг опять нарисуетя какой-нибудь идиот...

Журналисты захихикали. А вице-премьер продолжил:

– Запомните это дату – двенадцатое июня. Первый день новой эпохи!

И в наступившей тишине раздался щелчок тумблера.

# 1. Четыре года спустя

## Глава 1

Дымка рассеялась, и над городом опять зажглось праздничное, нестерпимо яркое солнце – так, будто вернулось лето.

Я расстегнул куртку. Было душно. Ветер гнал над асфальтом горячие волны.

Но это пустяки. Я люблю солнце, люблю день – именно такой, насквозь пронизанный светом. Когда тени исчезают, сиротливо жмутся к кустам... Когда в прозрачной высоте хорошо видно одинокую птицу...

Я ненавижу туман и сумерки.

– Сюда, Глеб, – всматриваясь вдаль, тихо сказал отец.

Мы обошли здание школы. По растрескавшейся асфальтовой дорожке направились через дворы. Свернули за угол семнадцатизэтажного дома, одиноко торчавшего над кварталом.

Тут дорожка закончилась. Впереди была густая трава – мне по пояс.

– Смотри, – сказал отец. – Внимательно...

Я недовольно шмыгнул носом. Сколько можно меня проверять?! Будто какого-то несмышлёныша! А мне, между прочим, стукнуло тринадцать лет!

– Вон там, – решительно махнул я рукой, – стебли потемнели – может, просто засохли. А может... В общем, лучше не рисковать. И чуть левее, вдоль стены – воздух дрожит, будто марево. Скорее всего, пространственные флук...туа-ции.

Я поморщился – не люблю замухрённые словечки. И для ясности добавил:

– Хорошо, если *дробилка*! Но если «большая жопа» – тогда вообще абзац.

Отец улыбнулся:

– У Петровича перенял «термины»?

Я хмыкнул. Нормальные названия – очень конкретные и по делу. Не то что вся научная тягомотина, которой пытается грузить меня отец.

– Значит, – прищурился он, – больше ничего не видишь?

– Не-а, – пожал я плечами.

Собственно, возле этих гаражей мы шастаем не первый раз. В каждую новую ходку всё меняется – это я хорошо усвоил. Но самые гиблые места не здесь, а на севере, рядом с ТЭЦ. Ещё в центре и вдоль южной окраины... Вот почему приходится двигаться такими зигзагами.

Кто не знает Тропы – тому сюда лучше вообще не лезть.

– Да всё нормально, пап! – подмигнул я.

Чего он такой смурной сегодня?

Отличный, погожий сентябрьский день... И мы опять в родном городе. Не просто рискуем жизнью, а идём за *товаром*! Чтоб толкануть его за реальные деньги!

Потому что папа у меня фартовый! И с тех пор как он стал приносить *товар*, мы уже не голодаем и одеваемся в нормальные шмотки... Точнее, я одеваюсь. А отец до сих пор таскает эту дурацкую куртку – говорит, она счастливая. Вот и надевал бы её лишь в Зону, а по Колядинску ходил как человек...

Я окинул папу критическим взглядом – обязательно куплю ему что-то, когда выберемся! Вслух уточнил:

– Ты ведь сам говорил – там, где растёт обычная трава, легко отследить аномалии.

– Правильно.

– Трава – она живая. А всё живое реагирует на изменения...

– Значит, можно смело идти вперёд?

Уф-ф... Какой-то он нынче особенно въедливый и дотошный – будто у себя в институте. Помню, просиживал там целыми днями – то расчёты, то запуск установки, а денег едва хватало на еду и коммуналку. Мама часто его упрекала...

Институт давно закрыт – а кому это надо, если даже копеечную зарплату месяцами не платили? И мамы уже нет с нами...

Но думаю, она бы тоже сейчас сказала: «Брось хмуриться, Антон!»

Я решительно тряхнул головой:

– Конечно, можно!

И, показывая пример, сделал шаг, путаясь в крепких стеблях. Дальше не сдвинулся, потому что отец крепко ухватил меня за плечо.

– Глеб... – вздохнул он. – Тебе ещё рановато идти первым.

– Это почему? – обиделся я.

– Посмотри туда!

– Ну?..

И что особенного? Подумаешь, ярко-зелёное пятно на полпути, между нами и крайним гаражом. Сейчас сентябрь, а трава там – удивительно молодая, сочная, будто только что возшла...

Ого... Лёгкий ветерок тронул стебли – вокруг. Но в самом пятне – ничто не шелохнулось. Тонкие травинки торчали, как проволока.

Отец наклонился, поднял камешек, бросил в сторону зелёной прогалины. И жесткие стебли сомкнулись – будто проглотили камешек. А спустя мгновение распрямились, недовольно подрагивая: точь-в-точь – жадные зелёные щупальца.

Я зябко дёрнул плечами – словно ощутил, как эти тонкие стебельки протыкают мою куртку, вонзаются в тело...

– Кроме аномалий, есть ещё и мутанты, – сухо сказал отец. – Ты всегда должен об этом помнить, Глеб.

Он отвернулся, только я успел заметить, как резко пролегли морщины у его глаз. Те самые, что появились около года назад.

Когда не стало мамы...

Мутанты. Целая стая псевдоволков ворвалась в Колядинск среди бела дня. Всё произошло так быстро...

– Прости, – выдавил я, будто чувствуя вину за то, что случилось год назад.

– Идём, – тихо сказал отец.

Мы аккуратно обогнули участок *изменённой* травы. Прошли десяток шагов по разбитому асфальту и оказались у входа в гаражный кооператив.

Странно. Прошлый раз решётчатые ворота ещё были на месте и казались совсем целыми. А теперь, месяц спустя, неузнаваемые, проржавелые почти в труху, они валялись на земле.

Отец оцепенел, всматриваясь в колыхание огромных репейников по ту сторону. Во внутреннем дворе не растёт ничего иного. Только эти разлапистые, пыльные джунгли почти в мой рост.

Когда увидел их впервые – было стрёмно. Но отец говорит, что лопухи редко мутируют. Едва ли не самая безопасная трава. А ещё они быстро засыхают в местах аномалий...

– Сегодня пойдём прямо, – решил отец.

Выждал секунду и перешагнул через остатки ворот. Двинулся, мягко раздвигая толстые стебли...

Я держался метрах в пяти за ним. Лопухи, как живые, цеплялись за куртку, впивались в штаны крупными репьями... Я знал, что они безвредные, и все равно вздохнул с облегчением, когда наконец вслед за отцом вырвался на открытое место.

Мы повернули вдоль гаражей. Тут я ещё не бывал. Оказывается, часть дверей открыта нараспашку. Но отец возле них не задерживался, а я лишь боязливо вертел головой, пытаюсь разглядеть внутри хоть что-то интересное.

Два гаража были пустые, в одном – коричневая от ржавчины «Лада». Зато в четвёртом...

Я притормозил. Облизал пересохшие губы.

– Глеб! – долетел голос отца. Он был уже далеко впереди.

– Сейчас! – выдал я. Но так и не сдвинулся с места.

До сих пор переминался, заглядывая внутрь. А всего в трёх шагах от меня – как сказка наяву – сверкал никелем и хромировкой новенький скутер. Совсем как у Мишки Копотя!

«Хо-Лин-503» с усиленной подвеской и электродвижкой в одиннадцать «лошадей».

Чудо, реальное чудо, прислонённое к облупившейся стене!

– Хватит там маячить, Глеб!

– Да иду я, иду!

Вот только полюбуюсь ещё немного... Разумеется, я помню – нельзя лезть в гаражи. Мало ли какая дрянь может прятаться в сумраке...

Но здесь светло. Очень светло... Пусковой ключ торчит из замка. Ярко блестит «взлетающий аист» – фирменная эмблема на рулевой колонке!

И я делаю шаг внутрь.

Осторожно касаюсь хромированной поверхности. Та приятно холодит ладонь...

– Папа... – негромко зову я.

Он должен меня понять. Ведь не каждый день так везёт!

Рядом на полу – бесформенные, съеденные ржавчиной железяки. А скутер выглядит, словно только что из магазина! Будто и не простоял четыре года в Зоне...

Я мягко берусь за руль. Разумеется, аккумуляторы давно сели. Но я готов катить эту «птичку» до самого периметра... а хоть и прямо к дому! Я знаю, она – такая лёгкая!

Хм-м... Что за хрень? Руль свободно поворачивается, но я не могу стронуть скутер. Будто что-то удерживает его на месте...

Внимательно осматриваю колёса. Всё в порядке! Подставка, боковой упор – в вертикальном положении. Ничто не должно мешать!

Я упираюсь изо всех сил, только чёртов «Хо-Лин» не сдвигается даже на сантиметр!

Тогда я заглядываю в щель между стеной и скутером.

Целую секунду со страхом и отвращением смотрю на толстую белую паутину, протянувшуюся из тёмного угла к двигателю и подвеске заднего колеса.

Так несправедливо!

Так до жути обидно, что на миг я забываю всё, чему учил меня отец. Выхватываю охотничий нож и пытаюсь разрезать плотные белые нити. Со злостью кромсаю их отточенным лезвием из хорошей стали.

В результате нож всё больше запутывается в «паутине».

А нити срastaются у меня на глазах! И вдруг охватывают мою руку.

Я дергаюсь, отчаянно пытаюсь вырваться.

Но меня не отпускает. Плотным коконом оплетает руку. Я чувствую, как кисть начинает неметь – будто вместе с «паутиной» холод поднимается вверх, к плечу...

Наверное, надо звать на помощь.

Но я не могу. Мне стыдно, невыносимо стыдно перед отцом...

«Так глупо!»

А нити понемногу сокращаются, затягивая меня в тёмный угол между стеной и железным шкафчиком. Там – что-то серое, скрюченное... Кажется, человеческие останки.

Разлепляю губы, пытаюсь крикнуть. Но вместо этого из груди вырывается сиплый шёпот.

Чернота перед глазами... Голова кружится. Я ещё упираюсь подошвами, но странная слабость разливается по телу. Единственное, что выходит, – нащупать свободной рукой самодельную зажигалку в левом кармане куртки.

За миг до того, как потерять сознание, я щелкаю неподатливым колёсиком. Длинный язык пламени вырывается из латунного цилиндра – прямо в сторону оплетающей меня «паутины».

Шипение, свист...

Съёживающиеся нити.

Острая боль в руке.

От неё в голове проясняется. Я вдруг чувствую, что хватка «паутины» слабеет.

Бешено, из последних сил, дергаюсь к выходу. И, освободившись, падаю прямо к ногам отца.

Он помогает мне подняться. Выталкивает из гаража и внимательно осматривает:

– Цел?

Бестолково киваю, что-то бормочу. Я жду чего угодно – ругани, затрещин. И пусть он никогда не тронул меня пальцем – в эту минуту ясно, что иного я не заслужил...

Стою, потупившись.

Отец тяжело вздыхает. И ничего не говорит. Не упрекает меня ни единым словом.

Отворачивается и смотрит в гараж – туда, где вокруг сиденья скутера беспокойными отростками шевелится «паутина».

– Зажигалка – это правильно. А всё остальное – нет.

– Я не думал...

– Я тоже хорош, – хмурится отец и глухо добавляет: – Завтра же везу тебя к тётке в Вологду.

– Это на фига? – удивляюсь я.

– Поживешь у неё. Годик-другой.

– Я не хочу в Вологду. Там и жрать-то нечего...

– Зато от Зон подальше!

Повисает молчание.

Я прекрасно понимаю – сейчас бессмысленно спорить. И всё-таки набираюсь наглости:

– Ты ведь сам говорил – надо замечать новое. Тогда есть шанс узнать что-то интересное!

– Ага, – саркастично кивает отец. – Именно поэтому ты заметил новенький скутер. Совсем как у Мишки, да?

Виновато пожимаю плечами:

– Ну... я хотел проверить...

– Проверил?

Отец делает шаг в гараж и поднимает монтировку. Зачем она ему? Какая ценность в тронуте ржавчиной куске металла?

Уточнить я не успеваю. Потому что отец делает ещё шаг и бьёт тяжёлой монтировкой по зеркалу скутера. Брызгами летит стекло.

– Не надо!

Это неправильно! Всё равно что резать картину в музее. Разве машина виновата?!

– Смотри, – хватаю его за плечо, – там... что-то есть...

Конечно, ничего там особенного – какие-то блёстки под стеллажом с инструментом. Лишь бы отвлечь отца от скутера!

Он поворачивает голову, роняет монтировку.

Достаёт из кармана куртки фонарик. Яркий луч светодиодов озаряет пространство под стеллажом. И мы с отцом долго глядим на пару переливающихся шариков – тех, что висят в воздухе над бетонным полом.

– Красиво, – шепчу я.

И замолкаю выжидательно. Раньше я таких не встречал. Что скажет отец?

Ведь тут, в Зоне, красота – штука ненадёжная. Вон, *алый цветок* – самая красивая вещь внутри периметра. Но любоваться лучше издалека. А ещё лучше – из безопасного укрытия...

Отец молча подходит ближе. Аккуратно проводит рукой в перчатке над и под стекло-видными шариками. Те остаются неподвижными. Тогда он осторожно берёт их, один за другим – словно срывая плоды с невидимой ветки, и кладет в болтающуюся на плече сумку.

Луч фонаря уходит дальше под стеллаж. Озаряет «паутину» – ту же, что и за шкафом!

И что-то блестит в её глубине. Не так ярко, невзрачно. Камешек, похожий на осколок бутылочного стекла...

Отец достаёт из кармана куртки детектор – плоскую коробочку с маленьким экраном. Направляет её в угол.

Какие-то цифры вспыхивают на экране. Высвечивается диаграмма распределения спи-норного поля – недавно мне пришлось выслушать об этом целую лекцию. Только я всё равно мало что запомнил.

– Интересный объект, да, пап?

Он не отвечает. Глядит по сторонам. Поднимает закрытую канистру, встряхивает – на дне что-то хлюпает.

Хм-м... Можно взять с собой и по дороге ещё где-нибудь слить остатки. Только тяжело тащить...

Пока я вспоминаю цены на бензин в Колядинске, отец открывает канистру и вдруг выплескивает остатки содержимого на паутину. Чиркает спичкой и кидает её в угол!

Вспыхивает пламя. Белые нити шипят и съеживаются. А я с изумлением смотрю, как отец тянет руку – прямо в огонь, прямо в ещё живую паутину! И выхватывает оттуда невзрач-ный камешек.

Держит его на ладони. Улыбается, разглядывая.

А я угрюмо молчу. Да, сам недавно сделал глупость. Но хотя бы понятно ради чего...

А отец... Тоже мне, воспитатель!

Что проку в куске бутылочного стекла?!

– Это можно продать? – выдавливаю сквозь зубы.

– Продать? – смеётся отец.

И прячет камешек – не в сумку, а во внутренний карман куртки.

Пожимаю плечами. Что тут забавного?

В конце концов, ради этого мы сюда и пришли! Взять *товар*, чтоб толкнуть его за хорошие деньги! Вся огромная Зона – для нас будто мегамаркет *досумеречной* эпохи.

Однажды в детстве я бывал в таком. Помню ощущение праздника, музыку, сверкание огней. Яркие витрины, фонтан посреди вестибюля, и толпы народа, снующего взад-вперёд...

Тут нет толп. И за *товар* можно заплатить жизнью.

Но ощущение праздника – оно где-то рядом... Каждый раз, когда я иду в Зону – жизнь наполняется особым смыслом.

Мне трудно передать всё словами. Я не умею красиво формулировать. Но для меня это словно окно в ту, прежнюю жизнь – когда мы обитали не в бараке для беженцев. И мама была с нами...

А для отца... Иногда мне кажется, что для него это как продолжение огромного эксперимента.

– Чего кривишься?

– Ничего!

– Это, конечно, хуже, чем скутер, – иронично кивнул отец. – Те разноцветные шарики Петрович именует «ведьмины глазки». И берут их всего по три тысячи долларов.

– Три штуки баксов? – округлил я глаза.

– Считается, что они сильно успокаивают нервы. – Отец снял сумку и перекинул её ремень мне через плечо. – Как раз то, что тебе нужно!

– Да я и так спокоен!

– Это хорошо, – обрадовался отец.

Поднял с пола монтировку и удивительно быстро превратил новенький «Хо-Лин-503» с усиленной подвеской в погнутое и треснутое уродство на колёсах.

– Теперь намного лучше, – сообщил, разглядывая остатки машины и помахивая монтировкой, как художник кисточкой.

Я отвернулся с кислой миной. А сам уже лихорадочно прикидывал: какой скутер можно купить, имея три штуки баксов? Наверняка круче, чем у Мишки!

– Идём! – хлопнул меня по плечу отец. – Вздумаешь опять отставать – привяжу верёвкой!

И двинулся назад через лопухи.

– Мы что, уже уходим? – удивился я.

– Хватит на сегодня.

Вышли из гаражного кооператива и размеренным шагом направились опять к семнадцатиэтажке. Отец молчал, а я всё раздумывал: если даже *ведьмины глазки* стоят уйму денег, то какова же цена невзрачной фиговины, которую он мне не доверил, а спрятал в карман?

Продавать он её не желает – это понятно. Но ведь что-то в ней есть, что-то особенное...

Я внимательно зыркнул на папину спину, обтянутую вылинявшей хэбэшной курткой.

И ведь не расскажет...

Будет темнить, пока не сочтёт нужным.

До сих пор основным нашим *товаром*, помимо заурядных тряпок и барахла, оставался *серый мох*. Все так его зовут, хотя, разумеется, никакой это не мох – бесформенные наросты, по виду и цвету – вроде пористой резины. С приятным миндальным запахом, со слабым наркотическим эффектом – но без привыкания, его заваривают вроде крепкого чая.

Говорят, что отвар особенно полезен при *сумеречном синдроме*. Может, и правда помогает, раз есть спрос. Тут трудно судить: у нас, вокруг Зоны, мало кто валяется с *синдромом* – самые чувствительные давно вымерли, а в Питере и Москве, говорят, ещё половина народу в лёжку лежит...

Было бы здорово, если б нашли лекарство.

Но, скорее всего, эффект от *мха* временный. Иначе бы его покупали не по двести баксов за килограмм, а платили б, как за бриллианты!

Хотя... Бог знает, за сколько его перепродают в столице.

Нам, в одну ходку, редко удаётся заработать на *мхе* больше трёхсот долларов. А слишком часто ходить в Зону нельзя – максимум пару раз в месяц. Вот и гребём всё ценное, что можно на себе утащить. Прошлый раз пёрли на себе стиральную машину. Малогабаритную – всего тридцать пять килограммов, чтоб ей пусто было!

Потом едва толкнули за шестьдесят баксов...

Хорошо ещё, что конкуренция не очень большая. Папа рассказывал, года три назад, когда в стране начался бардак и армейское оцепление убрали с периметра, целые толпы хлынули в Зону. Они думали, что армейцы гонят туфту, нарочно рассказывают страшилки...

Тогда, в Первую ходку, из более пяти тысяч вернулось семнадцать человек. И те, кто мог говорить, поведали такое...

С тех пор количество желающих сильно поубавилось.

В основном народ топчется рядом с периметром. Пробавляется по мелочовке – окраины города подметают, как метлой. И лишь несколько десятков реальных *трикстеров*<sup>1</sup> уходят глубже...

Тут уж кто как умеет. Отец говорит, надо быть очень внимательным и быстро соображать. А любимое выражение Петровича: «Главное, словить фарт».

В первый раз он взял с собой отца около года назад. Через месяц после того, как не стало мамы...

А сейчас мы курсируем отдельно. Но все равно у Петровича, его напарника и моего папы что-то вроде артели – пересекаем периметр и возвращаемся вместе. Так легче отбиваться от бандитов, когда идёшь с *товаром*. Иногда вместе приходится выносить особо габаритный груз – например, пару месяцев назад по частям тащили движок «Лексуса». Толкнули его заезжему москвичу, деньги честно поделили. Выручки хватило, чтоб затариться крупной и тушёнкой на целый год.

Но все равно, такого *товара*, как сегодня, у нас ещё не было!

– Чего молчишь? – прервал мои размышления отец.

Странно.

Он же сам учил: «Первое правило – помалкивать и смотреть по сторонам».

Правда, сейчас мы возвращаемся по известному маршруту. Но всё равно, тут, в Зоне, отец обычно краток и сух – если высказывается, то лишь по делу.

– Я не молчу. Я анализирую, – специально повторил одно из его любимых словечек.

Отец с интересом оглянулся:

– Что именно?

– Социально-экономическую обстановку.

– Даже так? – улыбка мелькнула на его лице.

А я твёрдо кивнул:

– Хреноватое место – Колядинск...

– Я тоже об этом думал, Глеб, – вздохнул он, мрачней. – Тебе надо учиться в нормальной школе...

– Не в этом дело, – отмахнулся я. – Сам рассуди, торчим безвылазно в этой дыре. Рисуем жизнью. А скупщики берут всё за копейки. Натуральный грабёж!

– И что ты предлагаешь?

– Мы должны всё изменить!

– Да, – кивнул отец. – Как раз хотел об этом поговорить. Раз уж нам выпал такой шанс.

Мы должны...

– Наладить нормальный сбыт! – подсказал я.

Он сердито кашлянул.

А я продолжил с ещё большим чувством:

– Зачем нам посредники, да, пап? Ведь мы и сами найдём покупателей! В Москве, Питере – полно клиентов...

– А может, сразу откроем элитный бутик?

<sup>1</sup> *Трикстер* – от англ. *trickster*, дословный перевод – «ловкач». (Здесь и далее – примечания автора.)

Я озадаченно замолк.

Он что, подаёт бизнес-предложение? Или просто издевается?

Мы как раз пересекли центральную улицу Орехова. И теперь двигались вдоль покрытых пылью, но ещё ярких витрин. Внутрь лучше не заходить – если присмотреться, за стеклом различишь человеческие фигуры, будто замороженные в куски льда. Это не манекены – сталкеры-самоучки с той, Первой ходки...

На улице жарко, а от витрин явно веет холодом.

Там, внутри, когда-то было полно добра. Ювелирные побрякушки... дорогие часы... шмотки... электроника... мобильная связь...

Ясно, почему именно сюда в первые дни ломанулся народ.

Кому ж не хочется по-лёгкому прибарахлиться!

А добро... Никуда оно не делось. Но теперь всё – как в музее. Теперь на него лишь издали можно любоваться...

«ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ» – вывеска на ювелирном магазине.

Я улыбнулся.

Вдруг представил себе витрину с надписью: «*Антон и Глеб Гордеевы. САЛОН НЕОБХОДИМЫХ ВЕЩЕЙ*».

Красиво! Только, конечно, не здесь, а где-нибудь на Тверской!

Отец будто прочитал мои мысли:

– Неужели ты собираешься всю жизнь ходить в Зону?

Я помолчал. И вздохнул:

– Во-первых, не всю, а пока не заработаем первоначальный капитал.

– Больше не дам тебе читать Маркса! – твердо решил отец.

– А во-вторых... это же не просто Зона – это наш город!

– Он давно не наш.

Мы молча шли вдоль безжизненной улицы. Ветерок катил по пыльному тротуару какие-то серые клочья, обрывки газет. Вдоль бордюров и посреди дороги стояли потемневшие от грязи и ржавчины автомобили.

Здесь, в центре, всех накрыло ещё в первые минуты. Так что кое-где внутри авто хорошо можно разглядеть обтянутые высохшей кожей скелеты. Думаю, они и понять не успели...

Потому-то все дорогие магазины остались целёхонькими. Банки – тоже. Вон маячит затянутое *фиолетовой плесенью* здание «Юниаструма».

Мы сходим с тротуара и по длинной дуге обходим банк. *Фиолетовая плесень* – такая мерзость! За пару минут съедает человека до костей.

В этих кварталах её много. Тот «бумер», наполовину въехавший в витрину «Спортмастера», оплетён ею до самого верха. Хотя прошлый раз было едва заметное пятнышко.

Ни за что нельзя сворачивать с Тропы! Центр есть центр...

А мы когда-то жили на окраине...

– Прошлого не вернуть, – сухо сказал отец. – Надо думать о будущем. Тебе надо учиться, Глеб. Учиться, а не бегать от мутантов и таскать барахло из Зоны. Теперь мы сможем переехать в нормальное место...

– И где оно, это нормальное место?

Как будто он не смотрит новости. Как будто не замечает, что творится в стране!

Даже те, кого не коснулся *синдром*, живут словно в кошмаре. И в больших городах – ненамного легче. Бандитские разборки, криминал – это ещё пустяки. Каждый день люди исчезают тысячами. У нас хоть знаешь, где рискуешь нарваться. А там... Говорят, и под самой Москвой, в подземельях, есть аномальный район. Было по НТВ неделю назад: какая-то зверюга охотилась на людей в метро – целая гора трупов!

И за границу не дёрнешь, ведь у них – картинка не лучше. В Европе – хаос, в Америке – резня. Говорят, *живоглота* в Центральном парке Нью-Йорка до сих пор так и не обезвредили...

– Куда ехать-то? – хмуро повторил я.

– Туда, где есть работа, – вздохнул отец, – и под боком нет Зоны.

Мы опять замолчали. Не проронили ни слова до самого универмага. Там повернули на Мидьянинскую, и я сказал:

– Пусть гадко и страшно... Но здесь – наш дом. И здесь... похоронена мама.

Отец не ответил.

Наверное, он до сих пор чувствует свою вину. Из-за того, что ему не удалось найти нормальную работу и маме приходилось с утра до вечера торговать на грёбаном колядинском рынке – всего в сотне метров от леса.

В последний раз я видел её рано утром. А вечером с рынка уже выносили растерзанные, залитые кровью человеческие останки. Меня туда не пустили...

Я рассмотрел только огромных оскаленных волков-мутантов, убитых на соседней улице. Клыкастых чудовищ с длинными мордами, так непохожих на обычных зверей...

– Да, здесь был наш дом, – хрипло сказал отец. – И если хочешь его вернуть, надо много учиться, много работать...

– Ради чего?

– Чтоб однажды всё исправить! Нынешняя мерзость – дело рук человеческих. А значит, человеку под силу её победить!

Сам-то он в это верит?

Я достал бутылочку с водой, глотнул. И скептически зыркнул на папину спину.

Когда по всей Земле гробанулись генераторы-коллайдеры и наступили *Сумерки*, многие тоже надеялись, что наука справится – раз уж заварила кашу, то сама её и расхлебает. Хотя мне было девять лет – прекрасно помню, как успокоительно звучали телевизионные репортажи, едва туман начал развеиваться и восстановилась радиосвязь...

Многие у нас поверили. Они старались не замечать повисшее над городом огромное, похожее на мутный шар облако. И когда однажды облако взорвалось серым пламенем, когда искристая мгла неудержимо хлынула вдоль улиц – убежать успели немногие.

В основном те, кто обитал на окраине...

Вот уже четыре года прошло, и что смогла хвалёная нуль-физика? Уменьшила она хоть на метр аномальные Зоны по всей России? И то же самое – в Европе, в Штатах, где ухлопали сотни миллиардов долларов...

– Ты знаешь, как всё исправить, да, пап? Напиши в Москву – заработаем кучу денег!

Он оглянулся с хмурой усмешкой.

Мне стало чуть неловко. Всё равно что давить ему на большую мозоль. Но я таки прибавил:

– Может, и институт опять откроют. Это удобно – прямо из окна будет видна *Большая Мясорубка*...

– Может, и откроют – со временем, – сухо ответил отец.

Я раздражённо сплюнул на грязный асфальт.

Мама тоже ему верила...

Что-то едва слышно загудело рядом.

Я оцепенел, вслушиваясь. Дернул папу за рукав, но он отмахнулся и полез в карман. Тогда я сообразил – вызов цифровой радиостанции.

Мы как раз достигли района, где опять проходят волны. Вон на том здании – установленный в складчину транслятор. Запросто можно общаться – почти как за периметром...

Но Петрович не станет без нужды «мусорить в эфире».

– Что-то случилось?

Отец, хмурясь, изучал экранчик. Похоже, пришло сообщение. Только текста я не мог разобрать.

Нетерпеливо кашлянул.

Папа поднял на меня глаза:

– Идём ко Второй точке.

– С чего вдруг? Это ж какой крюк!

– Петрович уже там.

Я недоверчиво моргнул. Обычно не он, а мы его ожидаем в точке сбора. Тем более что сегодня возвращаемся часа на два раньше!

– В чём дело-то?

Вместо ответа отец достал из внутреннего кармана тяжёлый «грач», щёлкнул, снимая предохранитель. И скупно добавил:

– Чужаки в Зоне!

## Глава 2

У развилки Тропы мы свернули налево. По карте это лишний километр на восток.

Теперь шли через выгоревшие кварталы многоэтажек. Чёрные дыры выбитых окон – похожи на зрачки. Будто сотни глаз тарашатся тебе в спину.

Так внимательно, что холод подступает к затылку...

Отец держит «грач» наготове. Восемнадцать разрывных пуль – даже псевдоволка уложишь. Если будешь метким...

У псевдоволков – когти, клыки. И не бывает стволов.

Я вспомнил слова Петровича: «Опасная тварь человек. Хорошо, что в Зоне редко встречается».

А уж если нарвёшься...

Местные бандюки редко входят за периметр. Даже самые отмороженные и обколотые топчутся за городом, вылавливая одиноких, неопытных *трикстеров*.

Но чтобы кто-то из них осмелился забрести сюда?

И правда, лишь чужаки на такое способны...

В наши ходки с отцом этого не случилось. А когда он курсировал с Петровичем – один раз было. Папа мало рассказывал, но из скупых обмолвок я понял, что тогда всё быстро кончилось – заезжая бригада почти в полном составе угодила в *обманку*.

Петрович говорит: новичок без ведущего живёт в Зоне не больше часа – даже самый хитрый и осторожный... *Трикстеры* осваивали её пару лет. И то – иногда они не возвращаются.

Тут всё решает не сила.

Тут даже у отморозка шансы не выше, чем у доходяги...

«Пусть ещё сами попробуют уцелеть!»

От такой мысли мне стало чуть спокойнее. А отец вдруг остановился. Развернулся и шепнул:

– Назад, к перекрёстку!

Спустя полминуты мы нырнули за угол дома. Прижались к стене, оцепенели...

Ждать пришлось недолго.

Лёгкий шелест перерос в громкое шипение, и из-за угла, опираясь на синеватые огненные язычки, выкатился *ёж*. На секунду замедлился, будто ощутив наше присутствие. Но мы не двигались, почти не дышали. И он поплыл дальше.

В памяти ясно всплыла инструкция Петровича: «Та ещё хреновина, но, в общем, не самая страшная. Главное, ни в коем случае от него не бегать...»

Едва *ёж* исчез за ближайшей высоткой, мы отлепились от стены. Прямоком идти больше не рискнули. Повернули в обход, через дворы.

Чутко вслушиваясь, озираясь. Аккуратно обходя живые заросли мутировавшей крапивы...

Расслабились, лишь когда впереди замаячила Вторая точка – полуразрушенное здание магазина «Океан».

Кроме знакомых лиц там были ещё какие-то люди.

Я настороженно моргнул. Но отец шёл без опаски. И скоро я тоже понял – на Второй точке собрались едва ли не все *трикстеры*, которые сегодня работали в Зоне!

– Долго вы ходите, – угрюмо сказал Петрович. – Минут пять, и мы бы отсюда двинули.

Отец пробормотал что-то вроде извинения. А у меня вытянулась физиономия.

Неслыханное дело! Такая орава людей – испытанных, ко всему привычных. Хорошо вооружённых. Чего им бояться?

Да они сами в клочья порвут любых заезжих!

– А где Белик? – спросил отец.

– Нет его, – вздохнул Фома, тощий сердитый мужик, напарник Петровича.

– Как нет?

– Грохнули раба божьего... Хорошо, хоть нас предупредить успел.

Белика? Одного из самых крутых *трикстеров* – того, кто смог уцелеть даже в Первую ходку?!

– Валим... – негромко скомандовал Петрович.

И несколько бригад *ловкачей*, растянувшись в цепочку по двое, двинулись на восток – вдоль обычно малолюдного ответвления Тропы.

Дымка сгущалась. Внутри так часто бывает – намного чаще, чем в Колядинске... Лишь минуту назад светило яркое солнце, а теперь мгла уже окутывает очертания ближайших домов.

*Сумерки* – подходящее название. Здесь, внутри, они караулят тебя за каждым поворотом...

И значит, надо чутко вслушиваться, всматриваться в обманчивые силуэты. Что там – куст сирени или *живоглот* уже распахнул похожую на чемодан пасть?

Мне не страшно.

Со мной люди, которые десятки раз проходили Тропой. И десятки раз приносили домой *товар*.

Ни одна сволочь не смеет разрушать этот установленный порядок вещей. Особенно теперь, когда нам с отцом впервые улыбнулась удача!

Тут она – в моей сумке... Мне кажется, я даже чувствую её тепло через толстый хлопок.

С трудом переборол желание ещё раз увидеть *ведьмины глазки*. С нежностью погладил висевшую через плечо сумку. И смущённо оглянулся – нет, никто не заметил моего детского жеста...

*Ловкачам* было не до того.

Шли молча. Разумеется, никто не собирался мне что-то объяснять. Хотя я не маленький – сам понимаю. Раз те отморозки сунулись в сердце Зоны – они не просто пришли грабить.

Это ведь глупо.

Отобрать *товар* безопаснее у периметра...

А вот если чужаки хотят поставить под контроль Зону – тогда всё логично. И Белика завалили именно ради этого. Чтоб показать – никто, даже самый лучший из вас, отныне не укроется *внутри*!

Хотите жить – платите. Или сдавайте *товар* нашим закупщикам за половину реальной цены.

Гады!

Слыхал я, как нынче делается в Москве...

Сердито шмыгнул носом. Жаль, что мне пока не доверяют оружие.

Какой смысл отступать?

Наверняка чужаки рассчитывали выловить *трикстеров* отдельными группками. Но Белик успел всех предупредить. Мы объединились. И фиг они теперь с нами справятся!

В конце концов, мы не бараны, а *ловкачи*!

Хмурый Петрович идёт ведущим в колонне. Я осторожно догоняю его и трогаю за рукав. Надо ж хоть что-то выяснить – например, сколько врагов нам противостоит?

Петрович не даёт мне сказать.

Молча кладет ладонь на плечо, отталкивает куда-то себе за спину...

– Ложись! – сердито шепчет отец.

И я вдруг замечаю, что остальные *трикстеры* уже попадали прямо в пыль, на изрытую *огненным червяком* землю. Укрывшись за вздыбленными кусками асфальта, целятся из разнокалиберных стволов куда-то в дымку...

И, падая рядом, я наконец угадываю там, в мареве, человеческий силуэт.

Сердце колотится – будто предчувствуя вырастающие рядом десятки вооружённых фигур...

Но секунды тянутся, и ничего не происходит.

Лишь незнакомец делает шаг навстречу. А Петрович – шаг вперёд. Он – единственный из наших, кто даже не пригнулся. Разве что положил палец на спусковой крючок «АКМа».

У незнакомца ствол и вовсе болтается за спиной. Да и в фигуре его нет ничего угрожающего.

«Он что, один? Один!»

Ещё шаг в нашу сторону...

Теперь я хорошо могу его разглядеть. Мужик лет сорока с наголо обритой головой. Чёрные форменные куртка и штаны – без эмблем и знаков различия, чёрные берцы<sup>2</sup>. Оружие? Ага, да ведь у него «Бизон» со шнековым магазином! Раньше я видел такой только на фотках. Шестьдесят восемь патронов!

– Ближе не подходи, – сухо советует Петрович.

«Чёрный» улыбается. У него самое обычное лицо – разве что немного бледное. А ещё улыбка – странная. Слишком безмятежная для человека, в которого целится десяток стволов.

– Тесное место Зона. Даже вдвоём не разойтись!

– А ты ищи другую дорогу! – хмурится наш «бригадир».

– Не выйдет, – вздыхает «чёрный». – Одну Тропу топчем...

– Это не твоя Тропа.

– Теперь моя.

– Вот гнида! – едва слышно бормочет Фома.

Но никто из *трикстеров* не вмешивается в разговор.

Петрович качает головой:

– Зря вы ушли в «беспредел». Тот, кто убивает за периметром, – сам долго не живёт.

Есть такая примета...

– К чему эти уголовные суеверия? – скалится «чёрный». – В бизнесе главное не приметы. Главное – знать, чего хочешь.

– И чего ж вы хотите?

– Тебе известно. И Белику – тоже было известно...

– Сволочь! – взрывается один из наших. – Хрена тебе обломится!

Незнакомец равнодушно пожимает плечами:

– Увидим. А пока предлагаю начать взаимовыгодное сотрудничество. Предлагаю выложить из ваших мешков и сумок *то, что вам не принадлежит*. Обычное барахло можете себе оставить.

Я холодею от такой наглости. И крепко прижимаю к себе сумку.

*Трикстеры* вполголоса матерятся.

Петрович стоит вполоборота ко мне, и видно, как мрачная ухмылка кривит его губы:

– Не принадлежит? Это кто ж так решил?

– Могу показать документ от областной администрации, – спокойно говорит «чёрный». – Но ведь формальности для нас не главное?

---

<sup>2</sup> Б е р ц ы – ботинки с толстыми подошвами и высокими шнурованными голенищами.

– Документ – это хорошо, – сплёвывает Петрович.

– Вот и чудесно, – долетает откуда-то сзади новый голос.

Я рывком оборачиваюсь.

Ни хрена не видать в тумане...

Отец морщится. Ясно – дорога назад уже отрезана. Похоже, те твари отлично знают город. Им известно, что здесь у Тропы нет ответвлений...

Ну и что? Они рассчитывают запугать *ловкачей*?

Часть нашей группы развернула автоматы в ту сторону, откуда мы пришли. Врасплох они нас не застанут.

И вообще, пора идти на прорыв!

Почему Петрович тянет? Осторожничает, будто ламер! Какого лешего пытается строить из себя дипломата?!

– Умные люди всегда сумеют договориться...

– Конечно, – щурится «чёрный».

Улыбка озаряет щетинистую физиономию Петровича. А палец едва заметно подрагивает на спусковом крючке. И я вдруг понимаю.

Он пытается выиграть время.

Дымка понемногу уходит. Резче проступают очертания домов. Шире открывается обзор. Тем, кто нас караулит, сложнее прятаться в мутной пелене. А Тропа скоро опять будет как на ладони... И тогда никто нас не остановит!

Я нервно озираюсь.

Точно. Вот уже видать ещё одного из этой банды – того, что зашёл с тыла. Стоит в полный рост. Автомат болтается на плече, руки скрещены на груди...

Третий «чёрный» невозмутимо достал сигаретку, прикуривает...

Они что, все обколотые?!

Или не считают *трикстеров* за людей?!

– Их... только трое? – ошеломлённо бормочет Фома.

Туман уже отступил, обнажая голый, перекопанный *червями* пустырь. Куски асфальта, почерневшие, высохшие стволы деревьев... Здесь просто негде спрятаться!

Я растерянно моргаю.

Трое против одиннадцати. Не считая меня...

Это же смешно.

Почему хмурится отец? Отчего такие напряжённые лица у остальных *ловкачей*?

Тишина повисает в воздухе. Звенящая, долгая – целых две секунды...

Улыбка Петровича становится ослепительной:

– А если мы не сможем принять ваши условия?

– Тогда зачем вы нам нужны? – подмигивает бритоголовый. И делает шаг вперёд.

Вроде ничего опасного – словно хочет ближе посмотреть в глаза Петровичу.

Но автоматы и обрезы *трикстеров* вздрагивают, раскалывая воздух. Вразнобой грохочут выстрелы. И пули пронзают пустоту, вышибая фонтанчики земли...

Ведь «чёрного» уже нет – там, где он был мгновение назад!

Да и остальные – исчезли!

*Ловкачи* поднимают головы.

– Что за?... – выдавливают Фома.

И падает с перерезанной глоткой.

Смутные тени мелькают над нами, и окровавленные люди, один за другим, валятся на землю.

Всё нереально, будто в кошмаре. Выстрелы, крики, хрип умирающих...

Я цепенею.

Кто-то из *трикстеров* жмёт спуск, посылая длинную очередь. И наповал бьёт двоих наших. А призрачных, будто размазанных по воздуху убийц ничто не может остановить!

Неясный силуэт – надо мной! Я успеваю его даже не заметить – ощутить.

В этот миг где-то у самого уха оглушительно хлопает «грач». Раз, другой...

И смазанная тень вдруг обретает плоть. Бритоголовый в чёрной форме кренится, едва меня не придавливая. Перед моими глазами – его искажённое безмерным удивлением лицо.

Отец отпихивает тело. Хватает меня за руку и бросается к темнеющему в дымке силуэту дома. Мы мчимся без оглядки – пусть в сторону от Тропы, но мы вырвались!

Спасительная пелена...

Кто-то ещё бежит рядом... Петрович! И вместе с нами – трое уцелевших.

Развалины хмуро глядят выбитыми окнами...

Почему никто не стреляет нам вслед? Или знают, что теперь нам не выбраться?

Марево *дробилок*...

Мы огибаем его, вжимаясь в глухую стену супермаркета...

Двор, заросший *чёртовой травой*. Почти чувствуем её смертельно ласковые касания – справа и слева. А впереди – нет просвета! Кажется, идём навстречу гибели...

Но *трава* остаётся за спиной.

Петрович безошибочно находит путь. Угадывает по едва уловимым приметам. Или, может, ощущает каким-то неведомым мне способом?

Я вообще мало что понимаю. Мы свернули с Тропы. Сделали то, чего нельзя ни за что на свете, – так меня учили.

И пока что мы живы.

А если б не свернули – остались там, на пустыре. И корчились с перерезанным горлом...

От одного воспоминания меня начинает мутить. Будто острый запах крови до сих пор шибает в ноздри...

К чёрту!

Никто не увидит моей слабости!

Распереживался, дурак, лучше б прихватил оттуда автомат – всё-таки полезная вещь...

Осторожно трогаю отца за рукав, шепчу:

– Кто они такие?

Ведь не могут заурядные бандиты двигаться с такой скоростью! И даже мутанты, псевдоволки – на такое не способны!

– Папа...

Отец будто не слышит – хмуро всматривается в туман, судорожно сжимает «грач». И вместо него отвечает Йог, бородатый заслуженный *трикстер*:

– В Москве их зовут *вышшими*...

«Вышние»? Я читал об этом в сети.

Но ведь это – просто невосприимчивые к *синдрому*. Говорят, они чувствуют себя даже лучше, чем до *Сумерек*. А ещё у них физические показатели выше нормы – отсюда и название...

– *Вышние*... – кривится Петрович. – А по мне – обыкновенная нелюдь!

– Я б не сказал, что обыкновенная, – вздыхает Йог. – Раньше о них слышал. Но не очень верил...

– В такое трудно верить. Пока сам не увидишь.

– Антон – молодец. Если б не он...

– То есть можно их бить, можно! Не такие уж они крутые. Правда, Антон?

– Не знаю, – шепчет отец. – Сам не знаю, как получилось...

А Йог вдруг оглядывается и тревожно бормочет:

– Что ж... Ещё будет возможность потренироваться.

Я холодею, затаив дыхание.

Звуки – там, за спиной!

Значит, они тоже сошли с Тропы... Эти твари идут по нашему следу!

Не сбавляя хода, преодолеваем пустынный сквер. Весело, словно бежим по минному полю. На каждом шагу тут – гнёзда жуков. Петрович успеваеет их различать. А мы мчимся за ним – след в след...

Только в самом конце я немного оступаюсь. И целая охапка щупалец, разбрасывая комья земли, взлетает вверх. Она едва не цепляет мою штанину, но Йог успеваеет дёрнуть меня в сторону.

– Порядок, – говорит Петрович. – А теперь упражнение на меткость...

И трикстеры начинают швырять камни и куски кирпича. Я тоже участвую – главное, попасть в едва заметные бугорки!

Скоро по всему скверу чешуйчатые змеи клубятся щупальца жуков.

Больше мы не задерживаемся. Уходим в кварталы целых, будто нетронутых Зоной «хрущёвок».

Петрович скороговоркой объясняет диспозицию:

– Срежем километра четыре! Вон за теми высотками – опять выйдем на Тропу... Оттуда до окраины – рукой подать!

И мы идём.

Идём – без потерь и почти без приключений.

Минуем *осиное гнездо*. По сваленному дереву проходим над *воронкой*, проползаем под *жёлтым облаком*...

Гибельные ловушки, о которых мне не раз говорили, стоят мне лишь ссадин и ободраных коленок. Даже по Тропе мы никогда не двигались так быстро!

Но когда впереди оказывается абсолютно чистый и безопасный двор, Петрович вдруг начинаеет сомневаться.

Чешет щетинистый подбородок и командует:

– Берём левее!

– Левее – *Большая Мясорубка*, – сухо напоминает Йог. – Как раз за вон тем кварталом...

Повисает молчание.

Отец тяжело вздыхает.

А я озираюсь и тоже угадываю знакомые места. Те самые, где я не был четыре года... Ведь налево – не только *Мясорубка*, там ещё и отцовский институт.

Наверняка ему хотелось бы снова заглянуть в пятиэтажное здание с антеннами излучателей на крыше... Но такая экскурсия будет дорого стоить. И, разумеется, он бы ни за что меня туда не взял!

С чего Петровича тянет в этот ад?

– Справа не обойдешь, – хмуро втолковывает он, – там на километры заросли *фиолетовой плесени*...

– А какого лешего мы должны обходить? – горячится молодой, незнакомый мне *трикстер*. – Ведь прямо – открытая дорога!

– Слишком открытая, – качает головой Петрович.

– И что?

– Мне не нравится.

Молодой пренебрежительно хмыкает. А Йог чешет лысоватый затылок:

– Оценивая философски, тут работает принцип наименьшей опасности. Если пойдём прямо – в чём-то рискуем. Зато налево – гарантированный абзац!

Петрович криво усмехается:

– И ты туда же? А вроде не первый год Зону топчешь... Белик там проходил! И ничего – даже с *товаром* вернулся...

– Угу. А бригада Лощёного полегла – до единого человека!

– Тоже мне бригада – зелёные юнцы с большим самомнением... Пусть упокоятся их души!

– Пусть упокоятся... Белик прошёл, а Гребень вернулся инвалидом. Это лотерея...

– Не каркай!

Пока они препираются, у меня в памяти встают жуткие рассказы о *Мясорубке* и о тех *ловкачах*, чьи тени до сих пор блуждают где-то здесь, в округе... Мы с отцом никогда и близко не совались в этот район. Только не обязательно самому видеть, чтоб иметь представление...

Ведь тут, в Зоне, названия даются не просто так. Говорят, одного из бригады Лощёного вывернуло наизнанку – в прямом смысле, как перчатку. Все кишки и мозги наружу...

Я зябко передёрнул плечами.

А может, врут? Кто мог это видеть – если уцелевших не было?

Во рту пересохло.

Достал из сумки флягу, сделал жадный глоток. И, едва не поперхнувшись, торопливо стал завинчивать крышечку.

Потому, что все споры и рассуждения оборвала короткая автоматная очередь. Звук – со стороны *жучино*го сквера.

– Уже близко, – шепнул отец.

Я прикинул пройденный нами извилистый путь – максимум километр. Туман, как назло, редет. Ещё немного, и мы окажемся у них на мушке...

– Ничто этих тварей не берёт, – сквозь зубы выдавил Петрович.

А Йог объявил:

– Прямо идём!

Обычный двор. Слегка облупившиеся фасады пятиэтажек. Напротив подъездов – несколько проржавевших авто. Треснувший асфальт, через который пробивается трава.

Хотя трава не такая уж высокая. И во многих окнах сохранились стёкла...

А вон болтаются красивые цветастые занавесочки – как новые!

И не подумаешь, что за этими занавесками, в глубине квартиры – одна или две полуистлевшие мумии...

Бывало, мы их находили за столом перед почерневшими тарелками или на диване – напротив включённого в розетку телевизора. Особенно жутко выглядит, когда остальная обстановка – нетронутая.

Я давно отучился бояться покойников. И всё равно хотелось скорее оттуда убраться...

В похожих местах, возле Тропы, мы иногда находили годные вещи – например, абсолютную исправную микроволновку, которую обменяли на целый мешок гречки. Только мы с отцом редко заходим в подъезды – слишком опасно. Любая нечисть обожает селиться именно внутри.

Хорошо, что сейчас не надо туда лезть. Просто идём наискосок через двор и проходим между домами – вон там!

Всё отлично просматривается. Никаких сюрпризов. И чего потеряли столько времени, уговаривая Петровича?!

Раньше его авторитет был безоговорочным. Но сейчас впереди идёт Йог. А два молодых *трикстера*, по-моему, уже не обращают внимания на старших. Рвутся вперёд – туда, где за ближайшими высотками проходит Тропа. Я и сам готов бежать без оглядки!

Да, у Петровича – чутьё. Но теперь, когда мы выбрались на «чистую» территорию, главное – скорость!

Мы не бараны, чтоб нас резали. А дойдём до Колядинска – посмотрим, чья возьмёт!

Я поправил сумку на боку, обгоняя отца. Не сказав ни слова, он крепко схватил меня за плечо. Я вздохнул, замедляя шаг.

Угу, помню. «Тебе рановато идти первым». Сколько ещё лет за меня будут всё решать?

Я с завистью глянул на шагавших впереди молодых *ловкачей*. В углу двора они оказались раньше Йога.

– Погодите! – вдруг выпалил Петрович.

С чего вдруг?

*Высшие* вот-вот покажутся из соседнего квартала. Или просто возникнут размытыми тенями, чтоб опять убивать...

– Стой! – рявкнул Петрович.

И молодые наконец притормозили.

А я удивлённо вгляделся вперёд, вспоминая уроки отца. Ведь ничего подозрительного!

Кусты, газон. Новенький красный «Рено», припаркованный у подъезда. Ослепительно-белая простыня на балконе второго этажа...

Слишком белая.

А «Рено» – слишком новый. И маленькая румяная девочка улыбается из распахнутого окна...

– Назад! – отчаянно выкрикивает Йог.

Спустя миг вся эта отпечатавшаяся в моём сознании празднично-яркая картинка искажается, словно в кривом зеркале. Дыбом встаёт трава, кусты вытягиваются, как медузы. Авто, балкон, девочка превращаются в уродливые фантомы – в бесформенные выросты на жидко блестящей поверхности!

Будто огромный пёстрый вал летит нам навстречу. И в одну секунду захлёстывает пару молодых *трикстеров*. До половины глотает Йога.

– Беги! – хрипит мне отец.

Вместе с Петровичем они схватили Йога за руки, тащат за собой. А жидкая стена замедляется, но вдруг нависает сверху, будто хочет прихлопнуть их огромной ладонью.

– Нет! – отчаянно шепчу я, вцепившись в куртку Йога.

И втроём мы выдёргиваем его наружу.

Мчимся, не чуя ног, – к ржавой детской площадке, мимо которой только что шли.

Йог спотыкается, падает. Петрович помогает ему подняться.

Я оглядываюсь.

И не верю глазам.

Новый красный «Рено» припаркован у подъезда. Ослепительно-белая простыня висит на балконе второго этажа. А маленькая румяная девочка улыбается из распахнутого окна...

– Сволочь! – всхлипнул я. Если б имелся автомат – полмагазина высадил бы в её счастливую рожу!

– Это *обманка*, – сухо объяснил Петрович.

Мы двинулись туда, откуда пришли. Йога качало, будто пьяного. Плотная хэбэшная ткань на его штанинах расползалась и отваливалась ошмётками. Под ними была красная, словно ошпаренная кожа.

– Ничего, – успокоил Петрович. – Заживет как на собаке...

Йог молчал.

Но его походка понемногу выправлялась. Кажется, он всё-таки не сильно пострадал. «Минус два», – подумал я.

Четверо нас осталось. Из двенадцати...

Мы обогнули крайний дом злосчастливого двора.

Петрович на секунду замешкался, оглянулся и хрипло выдавил:

– Моя вина...

– Не твоя, – вздохнул Йог.

– Я должен был идти первым.

– И что бы изменилось?

Они замолчали. А я вспомнил, что говорил отец: даже опытный человек не всегда успеет понять – ведь эта грёбаная *обманка* обладает чем-то вроде гипноза!

Мы топали через сквер. Впереди возвышался трёхметровый забор. Там начиналась промзона. И где-то совсем рядом – область действия *Большой Мясорубки*...

– Можно пройти, – негромко озвучил Петрович. – Белик описывал весь маршрут. Сначала – к пролому в стене. Вглубь – до железнодорожного полотна. Метров сто до лестницы, и опять поднимаемся к забору. Там должна быть тропинка...

– Это хорошо, что он успел рассказать, – перебил Йог. – И помогай боже, чтоб за полгода тут всё осталось, как было.

Он прав.

В Зоне нет ничего постоянного. Особенно возле *Мясорубки*.

Только иного пути не будет.

– Прорвёмся, – криво улыбнулся Петрович, – не в первый раз. – И добавил своё любимое: – Главное – поймать фарт!

– Да будет милостива к вам Зона, – кивнул Йог.

«К вам»?

Все непонимающе на него уставились, а *ловкач* тяжело опустился на скамейку в центре сквера.

– Тебе плохо? – пробормотал отец.

– Нормально. У вас мало времени – не тратьте его на болтовню.

Петрович ошеломлённо смотрел на Йога:

– Ты что, мне не веришь? Не веришь, что я смогу нас вывести?

– Ты сможешь. Только я слишком стар для всего этого. Без меня у вас больше шансов... – Йог снял с плеча обрез и отдал отцу. Добавил патронташ: – Тебе пригодится.

Мы молча стояли целую секунду.

Потом Петрович наклонился и обнял Йога.

– Да ладно, – слегка отпихнул тот его. – Ещё увидимся! Вы пройдёте, а меня... никто не тронет. Безоружный, раненый старик – кому я, на фиг, сдался?

– Увидимся, – отец пожал ему руку.

– Не забудь потом вернуть обрез, – насмешливо прищурился Йог.

– Да...

Откуда-то из тумана прилетел едва уловимый шорох. Петрович насторожённо обернулся и махнул рукой:

– Время!

Торопливо, почти бегом, мы направились к дыре в бетонном заборе. Казалось, она совсем рядом. Но сперва пришлось петлять, обходя *дробилки*.

У самого забора наш вожак остановился, вглядываясь в сумрак по ту сторону.

Я затаил дыхание, чувствуя мурашки на спине. Мне было жутко... и одновременно интересно. Глупо, но в эти мгновения я испытывал что-то вроде гордости. Подумать только – впереди *Большая Мясорубка*. А я... я почти не боюсь!

«Расскажу пацанам – фиг кто купится!»

Да и сам я, если б узнал об этом ещё утром, – ни за что бы не поверил!

Петрович прошмыгнул в дыру.

Мы – вслед за ним. Я ждал, что сразу увижу нечто зловещее. Но по ту сторону – обычный кустарник. Даже не *изменённый*. Осины с пыльными листьями... Между ними проглядывали какие-то развалины и заросшее травой железнодорожное полотно.

Лишь вдали, по ту сторону полотна, воздух странно светился над крышами фабричных цехов. А иногда там проскакивали искры – будто крохотные молнии. И долетал едва уловимый гул...

Мы спустились к дороге. Теперь двигались по шпалам. Справа и слева – заросли выше меня ростом.

Наконец-то я иду впереди, следом за Петровичем, а отец – замыкающим. Хотя мне сейчас без разницы. А вот от оружия я бы не отказался.

– Папа, дай пистолет, – попросил шёпотом.

У него ведь теперь обрез.

– Не сейчас.

А когда?

Я сердито шмыгнул носом. Когда выйдем из Зоны? Тогда он тем более не даст.

Обидно.

У половины моих сверстников давно есть хотя бы охотничьи гладкостволки. А меня до сих пор считают ребёнком. Наверное, он бы и в Зону меня не брал, если б не боялся оставлять одного в Колядинске!

Стоп.

Почему Петрович притормозил?

Ага, вон из травы выглянула ржавая стальная лесенка – теперь подниматься наверх по склону, опять к бетонному забору.

Протиснулись через кусты.

В носу засвербело. Не только от пыли. С каждой минутой усиливается едкий аромат. Вроде озон, смешанный с неведомой химией...

Трава – уже мне по грудь.

И где обещанная тропинка?

Вот что-то похожее – у самого забора.

Спасибо Белику – всё как он сказал. Но теперь мы идём куда медленнее, чем раньше. Такое впечатление, что Петрович оценивает каждый свой шаг...

Поравнялись с треснувшей бетонной плитой. Наш ведущий на мгновение замешкался и двинулся дальше. А я не смог удержаться и глянул через щель в заборе.

Как там Йог? Отсюда отлично должна быть видна лавочка посреди сквера...

Точно, видна!

Я всмотрелся и похолодел.

Йог был уже не один. Рядом возвышались фигуры в чёрном.

Что-то странное там происходило...

Дрожащими пальцами я извлёк из сумки маленький цифровой бинокль, приложил к зорю в плите. Двадцатикратного увеличения хватает, чтоб хорошо рассмотреть лица. А ещё – ладонь *высшего*, которая легла на темя Йогу.

Да ведь это тот самый!

Тот, чья перекошенная физиономия намертво отпечаталась в моей памяти. Именно его удалось подстрелить отцу...

Получил разрывную пулю и выжил?

Два других поддерживают раненого за плечи. Ясно, почему они не смогли нас догнать, – всё это время волокли его на себе!

А что с Йогом? И на хрена этот недостреленный урод положил руку ему на голову?

Я не вижу лица *трикстера* – он сидит ко мне спиной. Но я замечаю, как мелко дрожит Йог – будто его колотит озноб. И шея неестественно побелела.

А лицо раненого *высшего*, наоборот, наливается румянцем...

– Дай бинокль! – у самого уха шепнул Петрович.

Я отдал. Освободил ему место возле щели в заборе.

Петрович молча смотрел несколько секунд.

– Что эти твари с ним делают? – выдавил я.

*Ловкач* не ответил, только стиснул зубы. Молча отдал бинокль. А отец слегка подтолкнул меня сзади:

– Идём отсюда, Глеб.

То есть как идём?

Они издеваются над нашим товарищем – у нас на глазах, а мы просто уйдём?!

– Ему уже не поможешь, – глухо произнес Петрович.

Я сердито на него зыркнул. Опять приложил бинокль к щели. И увидел у скамейки на траве скрюченное тело. Искажённое мукой лицо – бледное, как мел...

*Высшие* стояли рядом – двое всё ещё поддерживали третьего. Но тот уже не был таким обмякшим – будто кто-то влил в него жизнь. «Чёрный» вдруг поднял голову и посмотрел на меня – прямо в глаза.

Улыбнулся и подмигнул.

Я отшатнулся от щели в заборе. Едва не выронил бинокль.

Наверное, вид у меня был не очень. Недостойный *трикстера* вид... Потому что отец обнял меня за плечи:

– Ты – взрослый парень, Глеб...

– Уходим! – прошептал Петрович.

## Глава 3

Быстрым шагом – вдоль забора. Опять вниз, пересекая железнодорожное полотно. Нырнуть в плотный кустарник. С ужасом я чувствую, как шевелятся ветки. А иногда слегка вонзаются в плотный материал куртки – будто пробуют её на зуб!

Уф-ф...

Вырвались на открытое место.

Впереди вздыбленные куски асфальта, по бокам – высокие, заросшие *фиолетовой плесенью* стальные ограды.

Петрович не мешкает. Мы идем вслед за ним.

А ограды сближаются!

Яркие, смертельно красивые отростки чутко подрагивают справа и слева. Их острый аромат перешибает даже запах озона. Я стараюсь не вдыхать глубоко...

Никогда раньше мы не подходили так близко к этой дряни – на расстояние вытянутой руки!

А ведь *она* чувствует всё живое. Тоненькой полупрозрачной бахромой *плесень* начинает тянуться в нашу сторону...

Хорошо, что метров через пятьдесят ограды кончаются.

Мы выходим на большую площадку между промышленным зданием и ржавыми остовами грузовиков.

Петрович огибает здание слева. Впереди – ещё какие-то цеха. Проходя между ними, замечаем в боковом переулке стаю псевдоволков. Их штук десять! И такие огромные... Раза в полтора крупнее тех, что водятся в окрестностях Колядинска!

Мы ускоряем шаг. Но совсем немного.

Тут нельзя спешить.

Разбрызгивая куски асфальта, из-под земли то и дело вырываются столбы белого огня. Мы идём между ними – зигзагами, уклоняясь от горячего дыхания...

А стая идёт за нами.

Десять клыкастых, по-крокодильи вытянутых морд. Десять пар внимательных зрачков.

Наверняка они голодные. В городе не так уж много зверья – тем более чтобы прокормить таких чудищ.

Если они бросятся, мы не успеем уложить всю свору!

А Петрович удивительно спокоен и даже не озирается. Хотя ему и некогда озираться. Столбы огня всё гуще бьют из-под асфальта. Каким-то чудом наш вожак ещё выбирает правильный путь...

Чёрт! Совсем рядом!

Меня обдаёт жаром. Бросаюсь в сторону, но отец ловит меня за воротник. И спустя миг огонь вырывается из того места, где я чуть не оказался!

Да, помню. Самое худшее – терять голову и бестолково метаться.

Рукав куртки начинает тлеть. Но это фигня!

– Осталось немного, – бормочет Петрович.

И псевдоволки уже близко.

Один догоняет, заходит сбоку. Какое-то время идёт параллельным курсом. Я почти физически чувствую его взгляд. А потом он бросается наперерез!

Отец вскидывает «грач», только выстрелить не успевает – теперь незачем.

Уши закладывает от визга, и дым горелой плоти бьёт в ноздри. В паре шагов от меня корчится почерневшее тело монстра. Столб белого огня прожёт его насквозь!

Мы проходим мимо.

Стая чуть отстаёт, но упорно движется следом.

Призрачно-голубое сияние вырастает на полнеба. И вокруг становится удивительно безмятежно.

Асфальт больше не взрывается у нас под ногами.

Мы одолели полосу огня? Значит, теперь ничто не остановит псевдоволков?!

Холодея, я оглядываюсь. И различаю вдали повернувших назад мутантов.

Струсили, твари!

Я перевожу дух. Выдавливаю:

– Всё-таки отвязались! – Добавляю с надеждой: – Может, и *высшие* – отвяжутся?

– Эти – вряд ли, – хмурится Петрович.

– По крайней мере, мы прошли *Мясорубку*...

Отец вздыхает. И я смотрю на него с удивлением:

– Ещё не прошли?

Петрович криво усмехается. Вглядывается вперёд – туда, где голубые молнии змеятся над крышей заводского корпуса. И глухо отвечает:

– Ещё не совсем...

Разрушенное здание. Длинные стебли *изменённой* травы пробиваются между обломков. Вьются вдоль уцелевшей стены. Трава не зелёная, а серая – будто высушенная палящим солнцем.

Но солнца здесь нет. Уже четыре года...

Вместо него – мертвенный свет, озаряющий укрытое пеленой небо. Источник света – где-то рядом, за ближайшими развалинами.

Мы его обойдём.

Петрович ведёт по узкой полосе сохранившегося асфальта.

Слева – до самых развалин – всё перепаханно, как после бомбёжки.

Справа – высокий, заросший *фиолетовой плесенью* забор. А дальше – трёхэтажный дом, уцелевший в стекловидной массе, будто муха в янтаре. Там размещалась дирекция завода, а сейчас что-то неприятно пульсирует внутри, за матовыми глазницами окон. Едва мы поравнялись с домом, я опять ощутил странный холодок – почти как тогда, с проклятой живой паутиной...

Двигаемся молча.

Наш вожак совсем не спешит. Идёт, будто вдоль обычной улицы.

Но по его напряжённой спине я чувствую, как тяжело даётся ему каждый шаг.

Обогнули дирекцию и остановились.

Почему?

Петрович замер напротив огромного матового наплыва – того, что тянется от здания дирекции до соседнего дома.

Отец вопросительно кашляет. И Петрович глухо объясняет:

– Тут был проход... Раньше, когда ходил Белик.

Соседний дом – тоже запечатан в мутном *стекле*. Кажется, это бывший цех. Метров на пятьдесят тянется влево. А дальше начинаются подсвеченные голубоватыми сполохами развалины...

Что теперь? Возвращаться, чтоб отыскать другой проход?

Назад, через пояс огня, к ожидающей нас стае мутантов?

Или прямо в лапы к *высшим*?

Отец и Петрович молча смотрят на развалины. О чём думают? Ведь все равно выбора нет.

Я взмахиваю рукой, указывая вперёд:

– Значит, идём туда...

Отец оглядывается, будто хочет что-то сказать. Но так и не говорит ни слова. Лишь слегка хлопает меня по плечу.

А Петрович делает жадный глоток из фляги. И сплёвывает под ноги:

– Идём!

Запах озона становится острым.

Низкий гул, который раньше едва угадывался, с каждой секундой ощутимей давит на барабанные перепонки.

Мы карабкаемся через перемешанные с землёй куски бетона. Обходим глубокую воронку – я всматриваюсь и различаю на её дне мумию зубастого чудища. Длинное высохшее тело почти разрезано пополам, исполосовано глубокими ранами.

Чуть в стороне, у искорёженной трансформаторной будки, – что-то бесформенное. Лишь по торчащим осколкам костей можно угадать останки живого существа...

Для любого *трикстера* это означает «Стоп!».

Но мы не останавливаемся. Не поворачиваем назад.

Теперь правила отброшены.

Осталось одно-единственное – никогда не терять голову. И потому я иду вперёд, стараясь ступать след в след за вожаком.

Сердце колотится: так громко, что мне чудится – каждый удар эхом отдаётся под сводами разрушенного цеха...

За расколотой стеной – широкий пустырь. Его края теряются в тумане. Всего несколько уцелевших зданий угадывается вокруг неясными силуэтами. И ближний среди них семиэтажный корпус института – мрачный, тёмный, зияющий глазницами выбитых окон.

Лаборатория отца – у самой крыши. Окна выходят в сторону промзоны. Оттуда и правда можно смотреть на *это*.

Я думал, что будет страшно.

А *оно* – красивое... Ещё красивее, чем *алый цветок*.

Воздух над пустырём колыхается, словно в полдень над горячим асфальтом. И там, в зыбком мареве, как снежинки на свету, вспыхивают мириады искр. Кружатся в причудливом танце.

К яркому зрелищу не хватает лишь мелодии. Вместо неё – монотонный гул, который я чувствую даже кожей...

Мы сворачиваем. Двигаемся вдоль кромки развалин. Вероятно, Петрович думает опять выйти к маршруту Белика.

Но через десяток шагов мы оказываемся у края обрыва. Раньше он был замаскирован дымкой. А сейчас...

Я осторожно смотрю вниз и торопливо отшатываюсь.

Очень высоко – дна не видать в тумане. Отвесная, будто срезанная лезвием стена.

Тут не спустишься.

Петрович и сам это понимает. И потому мы идём вдоль обрыва – напрямик через пустырь.

Туда, где хаотично клубятся эти красивые искры.

Я зачарованно их разглядываю.

Из хаоса рождаются полосы, круги... Сверкающие блёстки начинают складываться в настоящие геометрические фигуры. Лишь на мгновение. Опять рассыпаются и заново складываются, будто кто-то встряхивает огромный калейдоскоп.

Петрович ускоряет шаг.

Мы уже почти бежим, проваливаясь в изрытую землю.

А «снежинки» над пустырём порхают в новом танце. Причудливые фигуры сливаются в одну огромную, заслоняющую полнеба. Там, внутри, мерцает многогранник. Мерцает и вращается – как ротор в электромоторе.

Или как нож в мясорубке...

Мы бежим ему навстречу!

С каждой секундой он ускоряется. От мелькания огней уже рябит в глазах. А от нарастающего гула закладывает уши и начинает болеть голова.

Я спотыкаюсь. Мне плохо и жутко.

А ещё стыдно.

Чем я тут собирался хвастать перед мальчишками?

Дурак!

Может, ещё не поздно повернуть? Если спрячемся в развалинах, вдруг нас не найдут – и волки, и те, двуногие?

Петрович оглядывается, указуяще машет рукой. Что-то выкрикивает.

Я тоже всматриваюсь в дымку – впереди над обрывом. И сердце радостно ускоряется – да ведь там мост!

Спустя десяток шагов картинка ещё яснее. Не мост, а рухнувшая поперёк огромной трещины в земле опора высоковольтной линии. А нам без разницы – главное, по ней мы переберёмся на другую сторону!

Выскочим из смертельной, сверкающей карусели...

Туда, где за пропастью угадываются очертания торгового центра «Экватор». Я помню, отец показывал на карте, это предел зоны поражения. Если дойдем – там нас уже не достанут!

Петрович ловко вскарабкался на ржавые перекладки. Я лезу следом, хватаюсь за неровные, будто иссечённые дробью стальные балки. Это даже хорошо, что они ржавые, – не так буду скользить!

Слышу за спиной дыхание отца.

Все трое уже на пути к спасению.

Мы двигаемся по квазимосту с удивительной лёгкостью. В иных обстоятельствах я б не осмелился на такой аттракцион. Слишком боюсь высоты!

А сейчас пофиг... Пофиг, что, сорвавшись, будешь лететь вниз десятки метров – до того, как вдребезги разобьёшься. Вниз лучше вообще не смотреть – только на спину Петровича и на искорёженные балки, за которые надо цепляться.

Тот край обрыва уже совсем близко.

Маячат в дымке остатки продуктового магазина «Антошка», на заросшем травой крыльце валяется скрученная спиралью почернелая вывеска...

Ещё чуток, и мы спрыгнем на ту серую траву!

Закончится бездна у нас под ногами...

Что такое?

Почему вдруг застыл наш вожак? А теперь и вовсе пятится назад. Теперь, когда спасение так близко!

Он что, сошёл с ума?!

Я едва не выругался – грязным трехэтажным матом, как Мишка Копоть. Но слова не успели родиться из пересохшей глотки.

– Стоять! – рявкнул кто-то чужой.

И пуля вышибла искру о перекладину рядом с ногой Петровича.

Я оцепенел. Отец шагнул ближе, пытаюсь меня заслонить. Только это было бессмысленно. Сразу несколько стволов глядели в нашу сторону – целая бригада, засевшая в развалинах «Антошки».

Теперь они уже не прятались. Ухмыляясь, лезли через полуобвалившуюся кирпичную стену. И с автоматами наизготовку двигались редкой цепью к лежащей высоковольтной опоре.

Половина – в импортном камуфляже без знаков различия, остальные – в цивильном и спортивных костюмах. Расхлябанная походка, низкие лбы, щетинистые физиономии...

Ничего общего с хладнокровными убийцами в чёрном.

Хотя вряд ли это сборище уголовников случайно возникло на нашем пути.

– Автомат бросай вниз, – приказал Петровичу высокий бандит в камуфляже, – а сам иди сюда. Только тихо!

Где их набирали? Точно не в Колядинске. Слишком развязно себя ведут и чересчур равнодушно пялятся на *Мясорубку* за нашими спинами.

Лишь позади, опираясь на палку, маячил единственный из этой своры, у кого в глазах застыл ужас.

Я его узнал.

Вот кто их привёл. Вот откуда *высшие* так хорошо знают Зону!

– Ага, – криво усмехнулся Петрович. – Ну, здравствуй, дружище!

– Здравствуй, – выдавил Гребень, бывший напарник Белика. И опять покосился на сверкающую круговерть *Мясорубки*.

Губы у него дрожали. И вообще выглядел он паршиво. Тёмные круги под глазами, худой, как скелет, весь какой-то скрюченный...

Он до сих пор так и не восстановился после той ходки. Полгода его выхаживали в колядинской больнице. *Трикстеры* скидывались ему на лечение. Белик привозил доктора из самой Москвы, покупал самые лучшие лекарства. Напарник ничего для него не жалел.

Все так радовались, когда он пошёл на поправку...

Петрович молча смотрел на Гребня.

– Я что, не доходчиво объясняю? – ощерился долговязый бандит и выстрелил поверх наших голов.

Мы нужны им живые? Для чего? И думать об этом не хочется...

В памяти всплыло искажённое мукой лицо Йога.

– Вы – идиоты? – озадаченно буркнул главарь. – Хотите назад, в пекло?

– Ещё не решили...

– Топайте сюда, пока я добрый!

– А смысл? – сплюнул Петрович.

– Не надо бояться, – выпалил Гребень. – Никто не причинит вам зла!

– Да ну?

– Они мне обещали!

Петрович грустно покачал головой:

– Белику – тоже обещали?

– И его не тронут.

– Теперь не тронут. Нет больше Белика!

Гребень пошатнулся. Крепче схватился за свою палку. Посмотрел куда-то за наши спины и глухо выдавил:

– Петрович... Можешь оставить *товар* и уходить – ты им не нужен. И мальчишку забирай с собой. А ты... – Он глянул на отца. – К тебе, Антон, у них есть вопросы.

У меня похолодело в груди.

Конечно, ведь отец подстрелил того гада. Ему не простят!

– Доходяга точно формулирует, – подмигнул бандит Петровичу. – Обшмонаем, и катись на все четыре стороны!

*Трикстер* обернулся. Смерил нас внимательным взглядом – будто что-то обдумывая. И вдруг сорвал автоматный ремень с плеча. Уронил оружие вниз.

Оно исчезло в тумане, заполнившем пропасть.

Я вздрогнул. Я не мог поверить.

А долговязый главарь оскалился:

– Молодец! Теперь спокойно, без глупостей – топай сюда!

Но Петрович отчего-то мешкал. Он смотрел назад – в сторону *Мясорубки*.

– Скорее! – не выдержал Гребень.

– Сейчас, – хладнокровно отозвался наш бывший командир. И зачем-то добавил: – Видно, будет как тогда – у *Гнилого Оврага*... Тут уж кому какой фарт!

Предатель!

Я стиснул челюсти. А к глазам подкатили злые слёзы.

– Нам пора, – вздохнул Петрович. – Извини, Антон...

Никуда я с ним не пойду!

– Хорошо, – хрипло сказал отец. – Я всё понял.

– Вот и лады! – оскалился бандит. – Обещаю – сына не тронем.

Твари! Если б у меня был пистолет...

– Скорее! – почти взмолился Гребень. Ему страшно: гул *Мясорубки* превратился в звон – от которого уже начинают ныть зубы.

– Да не волнуйся ты, доходяга, – иронично прищурился главарь.

А глаза Гребня вдруг стали круглыми, безумными. Какую-то долю мгновения он таращился туда, где всё ярче разгоралось смертельно-красивое зарево. Потом всхлипнул и бросился наутёк – в сторону торгового центра «Экватор».

Бандиты провожали его хохотом. Лишь один метнулся вдогонку и легко настиг хромого калеку.

Что произошло дальше – я не увидел.

Рука отца дернула меня за воротник. И мы полетели с «моста» – в укрытую туманом бездну...

Кажется, я орал от страха.

Наверное, мог бы и обделаться – если бы падение длилось дольше. Но мы ударились о крутой зыбучий склон и покатались вниз.

И всё же по-настоящему я пришёл в себя уже на дне глубокой расщелины. С разодранными до крови костяшками пальцев, ушибленным плечом – но относительно целый и здоровый!

Рядом – отец и Петрович. Мы прыгнули вниз и остались живы!

Вот для чего наш вожак уронил вниз автомат – по звуку догадался, что склон близко. Он сделал всё как настоящий *трикстер*!

Целую секунду меня переполняет восторг. А ещё спустя секунду выстрелы раскалывают воздух, и пули начинают долбить землю рядом с нами.

Бандиты палят вслепую – сквозь дымку. Зато патронов не экономят.

Отец накрывает меня телом.

И тут что-то взрывается – так мне кажется...

Тьма. Боль.

Мутная дымка. Перед глазами – красные круги.

В ушах – звон. Легче, чем от *Мясорубки*. И всё равно – башка раскалывается. А из носа течёт кровь.

Я утёрся грязным рукавом и осторожно повернул голову.

– Цел? – глухо спросил Петрович.

– Нормально...

Рядом открыл глаза отец. И медленно сел, отряхивая припорошенные землёй волосы.

Его разодранная кепка валялась в стороне.

Чем же нас накрыло? Гранатой?

Хорошо хоть наша сумка – целая. И *ведьмины* глазки на месте!

– Сынок...

– Всё путём, – коснулся я его руки. И замер, вслушиваясь.

Теперь, когда звон в ушах отступил, – я вдруг понял, что *Мясорубка* затихла.

Бандитской ругани тоже не слышать.

Но это ни о чём не говорит! Пока мы были в отключке, они вполне могли подобраться ближе. Вдруг они уже рядом – за стеной тумана?!

Я вскочил на ноги.

– Не дергайся, – вздохнул Петрович и медленно поднялся с земли. Одежда на нем в нескольких местах была располосована. У отца – тоже, особенно спина. И нога... Вся левая штанина промокла от крови.

Наверное, задело осколком!

Я торопливо полез в сумку, достал стерильный бинт, йод.

– погоди, – сказал Петрович и сам начал перевязывать отца.

Пока он это делал, я с автоматом на изготовку опасно озирался. Тёмные силуэты чудились мне за белой завесой.

А наш вожак был удивительно спокоен.

– Порядок, – объявил он, завязывая бинт. И отобрал у меня автомат.

Почесал подбородок, глядя вверх по склону. Шепнул:

– Теперь бы не худо отсюда выбраться...

– Там же бандиты!

– Вряд ли они нам помешают.

– А если опять кинут гранату?

– Гранату? – округлил он глаза. – Какую ещё?.. – моргнул недоумённо. И вдруг понимающе улыбнулся: – Не бойся – не кинут.

Без лишних объяснений, деловито стал карабкаться вверх по склону. Мы двинулись следом – отец заметно хромал, но пытался не отставать.

А я подобрал камень и судорожно сжал в кулаке – раз уж пистолета не доверили, хотя бы не с голыми руками!

Всё-таки мне трудно понять логику Петровича. Да, он – реальный *ловкач*. Только что выдернул нас из-под стволов. Но почему опять тащит под те же самые стволы?!

Или хочет застать их врасплох?

Смешно.

Представляю себе рожу долговязого бандита – когда он нас увидит. Уж тогда он с полным правом сможет сказать: «Идиоты!»

Тьфу!

Шёпотом чертыхаюсь, споткнувшись обо что-то. Присматриваюсь и с удивлением обнаруживаю расколотый автоматный приклад. Разгребаю землю пополам со щёбёнкой.

Точно, автомат! Разбитый, негодный, да ещё надрезанный чем-то вроде болгарки. И магазин не отщёлкнешь – заклинило!

Всё равно здорово. Пока ползём этим крутым склоном – буду смотреть внимательнее. Вдруг попадётся ещё что интересное?

Через пару метров я нахожу кусок куртки.

А ещё выше – чью-то руку.

Я смотрю на неё несколько секунд. Ясно вижу гладкий, словно бритвенный срез – наискось выше локтя. Рука в пыли – но даже сквозь грязь можно разобрать на коже татуированный якорь и наколку «ВМФ».

Отец трогает меня за плечо:

– Глеб...

Я ошалело моргаю, не сводя глаз с жуткой находки, и отец почти тянет меня вверх по склону.

Минуту спустя выбираемся из трещины – опять к развалинам магазина «Антошка».

Я отхожу от обрыва всего на несколько шагов. И тут меня начинает тошнить. Рвать до судорог, до болезненных спазмов – прямо у заросшего травой крыльца с почерневшей, загнутой спиралью вывеской.

Я ведь не ошибался. Бандиты, правда, ждали на-верху.

Точнее – то, что от них осталось...

А среди этих кровавых кусков – распоротое и вывернутое, как перчатка, тело, узнаваемое лишь по остаткам пальто.

Гребень так и не сбежал от судьбы.

## Глава 4

Отец и Петрович взяли меня под руки и оттянули за угол магазина. Отсюда почти не видно *это*. Но легче не стало. Потому что *это* – до сих пор у меня перед глазами.

Мне стыдно. Но я ничего не могу поделать...

Наконец отпустило.

Отец дал мне свой платок утереться. Обнял и зашептал:

– Прости, Глеб... Прости, что притащил тебя сюда. Зона – не для мальчишек!

А Петрович дружески взъерошил мои волосы:

– Ничего. Первый раз даже взрослые мужики не всё выдерживают.

– Правда? – удивился я сквозь слёзы.

– Вон Фома, земля ему пухом, вообще штаны обмочил, когда однажды наступил на *хлопушку*...

Ну уж нет! У меня штаны сухие.

– Идём! – выдавил я решительно.

Петрович смерил меня оценивающим взглядом:

– Ты... в порядке?

– Нормально, – буркнул, пошатываясь, словно пьяный.

– Вот и молодец... *трикстер*!

Больше мы не задерживались ни секунды.

Маршрут известный – мимо торгового центра «Экватор» к супермаркету «Пятёрочка».

А там начнётся Тропа!

Мы торопились – насколько позволяла раненая нога отца.

Потеряли кучу времени – пока были без сознания. Да и со мной возились...

И всё равно, ещё есть надежда, что *высшие* от нас отстали. А может, вообще, с ними случилось то, что и с бандитами? Если они рискнули идти через *Мясорубку*, вслед за нами...

Я оглянулся.

Воздух над пустырём колыхался, как в полдень над горячим асфальтом. Снежинками на свету вспыхивали мириады искр. И мелькали в причудливом, волшебном танце...

Я вздрогнул. Торопливо отвернулся.

Красиво. Опять красиво – до мурашек по коже. Монотонный гул едва угадывается. Отец говорил, после выброса энергии всегда бывает затишье. И всё равно такое чувство, будто эти милые огоньки стальными иглами готовы вонзиться тебе в спину...

Я вдруг вспомнил слова отца: «Нынешняя мерзость – дело рук человеческих».

Может, он и прав.

Сейчас, в эту минуту, я ненавижу Зону. Но понимаю: зло – не в ней. И даже не в *Мясорубке*.

Оно – в людях. Или в тех, кто кажется людьми.

И всегда было!

Просто раньше оно выглядело не таким заметным...

Я стиснул кулаки.

Кто вас, тварей, сюда привёл? Кто первым затеял бойню?

Отец мечтает всё исправить. Но кое-что уже не исправишь.

Даже если заманить всех уродов в *Мясорубку*!

Я поёжился. Опять, как наяву, встала перед глазами картина...

Вот уж нет – такого никому не желаю. Разве что гадам, мучившим Йога!

Мы перешли проспект и обогнули сгоревшее здание супермаркета. Одолели почерневший сквер с мёртвыми деревьями. Там была *паутина*, но она легко угадывалась между сухими ветками и стволами.

Дальше начались затянутые дымкой спальные кварталы. Мы прошли по ним сотню метров. И опять оказались на Тропе.

Странно, в этот раз я физически её ощутил – будто легче стало дышать. И даже туман поредел.

Петрович сразу ускорил шаг.

Если по прямой – окраина города уже рядом. Если по Тропе – чуть дольше, километра два...

Потом периметр и лес.

Легко будет затеряться!

Там ведь не одна Тропа – там их тысяча!

Обходим стадион, весь затянутый *фиолетовой плесенью*. Стадион как новенький, а прямо за ним – огромная воронка. Даже не знаю, что могло её породить – точно не взрыв, вон в соседних домах даже стекла целые.

Здесь Тропа делает петлю, далеко огибая воронку.

И мы почти одолеваем этот загиб, когда из тумана, в конце улицы, по которой только что шли, рождается неясный силуэт.

Рождается и исчезает, слившись с кустами...

– Уже, – криво усмехается Петрович.

– Может, это не они? – шепчет отец.

– Они...

Наш вожак вдруг сдёргивает автомат с плеча и отступает к ближайшему дому:

– Всё. Дальше без меня! Только не Тропой – там точно будут ждать...

– Николай, – хмурится отец, впервые называя Петровича по имени.

– Не трать время! – махнул он рукой. – В конце квартала свернёшь. А я постараюсь их задержать, – хлопает себя по жилету с торчащим из кармана трофеем, бандитской лимонкой.

– Вместе уйдём!

– Не уйдём, – качает головой Петрович. – Догонят, – смеривает отца коротким взглядом. – Оттуда топайте напрямик – будет *осиное гнездо* и ещё масса всякой фигни... но ты сумеешь, я в тебя верю.

Отец с обрезом в руках хмуро смотрит в дымку. Петрович добавляет:

– Заработает мобила – сразу звони Черепу. Пусть поднимает людей!

– Понял.

– А если понял – так вали отсюда!

В голосе вожака – злость. Но в глазах – совсем другое.

Они с отцом обнимаются, а мне Петрович ерошит волосы жёсткой ладонью:

– Никогда не сдавайся, *трикстер*.

Я хочу ответить – что-то подходяще героическое. Но вместо этого шмыгаю носом, как сопливый первоклассник. Он улыбается и легонько толкает меня в плечо:

– Лови фарт!

Разворачивается и идёт к дому – оттуда хорошо видна Тропа, можно на целый километр держать её под обстрелом.

А мы убегаем вдоль по улице. И прежде чем свернуть за угол, я успеваю оглянуться. Петрович – уже в окне третьего этажа. Замечает меня, машет рукой. И скрывается в глубине дома.

Больше я его не видел.

С каждым шагом от Тропы дымка становится гуще, тени глубже... В воздухе плавает резкий аромат *фиолетовой плесени*. Но пока её немного.

Зато хватает *чёртовой травы*. Эта не пахнет, да ещё и растёт тут попеременно с обычной – различаешь, только подойдя вплотную.

Хорошо, что дальше начинается голое место.

Плохо, что сразу становится ясно, куда исчезли растения.

Из мутной пелены вырастает здание 42-й школы. Санька Деревянко там учился. Теперь не учится – торгует на рынке всякой ерундой. А школа стоит, целая, невредимая: с одной стороны – будто укрытая прозрачным, нетающим льдом, с другой – затянутая гигантским серым коконом.

Несколько отверстий в коконе – как немигающие чёрные зрачки.

Мы должны пройти мимо.

Школу не обойдешь. Справа – всё в *фиолетовой плесени*. А левее – *жёлтое облако* окутывает развалины.

И мы движемся прямо.

Очень аккуратно. Бесшумно ступая по пыльному асфальту.

Это сейчас главное – не потревожить...

Я иду, затаив дыхание.

Серый кокон уже близко. Я отчетливо вижу его неровную, бугристую поверхность. Какие-то мерзкие зеленоватые потёки – рядом с отверстиями...

Нет, лучше туда не смотреть!

Гляди под ноги, дурак. Вот, едва не споткнулся о кирпич!

Хорошо, что толстый слой пыли гасит звук шагов.

Тут всё ею покрыто – не только земля, но и машины, мёртвые детские качели...

И нигде никаких следов – проходил ли тут вообще хоть кто-то, с тех пор как *Сумерки* убили город?

Неужели мы первые?

Или нет... Что это там угадывается в пыли? Лохмотья, оставшиеся от рюкзака? А рядом? Куски человеческого скелета?

«Не поворачивай голову! Смотри перед собой. Главное – не потревожить!»

Я строго следую этой директиве. И через пару шагов, будто на мину, наступаю на укрытую пылью раздавленную пластиковую бутылку.

Звук кажется оглушительным!

Отец резко оборачивается. Хватает меня за руку и ускоряет шаг, насколько позволяет его раненая нога.

Холодный пот стекает у меня по шее. «Бум-бум-бум!» – бешено колотится сердце в груди.

Но двор скоро закончится. Ещё немного, и мы скроемся вон за тем домом!

Я отчаянно в это верю.

И в этот миг грохот автоматной очереди раскалывает воздух.

А спустя секунду – там, у Тропы – взрывается граната!

Дребезжат уцелевшие стекла в пятиэтажке. Странный звук эхом долетает от 42-й школы.

Серый кокон вздрагивает. Или мне кажется? Разглядеть не успеваю.

Мы бросаемся к подъезду. *Фиолетовая плесень* бахромой свисает с козырька. Дверь открыта, но почти наполовину затянута смертельной дрянью.

Лезть внутрь – глупо.

Даже стоять рядом опасно! А отец накидывает капюшон своей «счастливой» куртки. И хрипло командует:

– За мной!

Он первым бросается под фиолетовую бахрому. Я пронырываю следом. От запаха плесени щиплет в носу, слезятся глаза...

Мы взлетаем по ступеням. Отец на ходу срывает разъединенную куртку, швыряет её вниз. Фиолетовые побеги змеятся на лету, дожирая куртку.

Хрустит под ногами скелет кошки. Второй этаж.

Что-то происходит там, во дворе, – какие-то огни мелькают за грязными стеклами. И всё громче звук – будто к нам летит огромная муха!

Ещё один этаж.

Наконец-то открытая дверь квартиры! Её окна должны выходить на ту сторону!

Мы проскальзываем внутрь.

В коридоре – пыль, разбитая чашка на полу. В кухне на табурете сидит мертвец – серый, засушенный, как мумия. Нам не туда!

Мы бежим в гостиную, к балконной двери. Рядом с ней – тоже тела. Сидят в креслах. Незряче таращатся в мёртвый экран телевизора.

Отец проскакивает мимо, к балкону.

Я бегу за ним. И всхлипываю от ужаса.

Потому что мертвецы поворачивают головы. Смотрят на меня страшными высохшими глазами.

На мгновение я замираю – этот миг кажется невыносимо долгим...

Отчаянно хочется удрать – куда угодно, лишь бы вон из этой комнаты. Но я шагаю вперед – между мертвецами, едва не задев одного плечом. И вслед за отцом перемахиваю через балконные перила.

По водосточной трубе мы спускаемся на один этаж и прыгаем на газон.

Бегом одолеваем сквер и ныряем за угол соседнего дома.

Впереди, словно над горячим асфальтом, колышется воздух над *дробилками*. И не повернуть – *плесень* справа и слева. А за спиной – нарастающий гул, как от растревоженного улья!

Мы мчимся напрямик.

Мне кажется – там нет прохода. Ещё немного, и невидимые смерчи захватят нас, перемалывая кости...

Но отец проскальзывает вперёд – легко, несмотря на раненую ногу. Там, где я вижу сплошное марево, он безошибочно угадывает зазор между *дробилками*. И я ступаю за ним – след в след.

Я в него верю – и от этого страх притупляется, почти уходит.

Мой папа – хороший *трикстер*! И я мечтаю когда-нибудь стать таким же...

Всё!

Проскочили.

Опять повернули за угол дома.

Следующий двор – открытое место, без всякой дряни. И в просвете между многоэтажками угадывается ржавый троллейбус.

Через полсотни шагов я различаю номер «12».

Да! Тот самый маршрут, что ходил вдоль окраины. Значит – периметр близко. А где-то там, за дальними домами, – спасительный, почти нормальный лес!

Пересекаем двор.

Мы вырвались!

Гул *осинового гнезда* стихает за спиной. Если *высшие* пытались за нами гнаться – вероятно, им худо пришлось!

Только Петровича жалко...

Он был реальный *ловкач*.

Идём вдоль троллейбусной линии. Дымки почти нет, и дорога хорошо просматривается.

– Не бойся, Глеб, – шепчет отец. – Осталось недолго. Выберемся!

А я и не боюсь.

Столько хороших людей погибло, чтоб дать нам шанс. Значит, мы просто обязаны выбраться!

У супермаркета «Класс» сворачиваем направо. Впереди – опять дымка. Но эта улица точно ведёт к периметру!

На тротуарах разбросаны вещи – дорожные сумки, какие-то тряпки, жидкокристаллический телевизор с разбитым экраном. Опрокинутая детская коляска...

Здесь у людей было больше времени. И некоторые пытались тащить с собой барахло.

Сгрудились в пробке машины – их хозяева надеялись выбраться из города в последние минуты.

У нас в районе – всё то же самое.

Девять лет мне было, но я до сих всё отчетливо помню – истошные вопли автомобильных сигналов, крики, ругань и детский плач. Помню безумную толпу женщин и стариков, громивших продуктовый магазин. И голос отца: «Пожалуйста, уходите из города!»

Нет, долго он их не уговаривал. Подхватил меня, как особо драгоценный груз, и бежал с мамой до самой опушки леса. Выскочили как были – в домашних спортивных костюмах с растянутыми коленями. Из имущества – лишь мобильные телефоны и ключи от квартиры.

Мы не оглядывались.

А едва вырвались из города, едва опустили на траву перевести дыхание – у нас на глазах последние дома окраины сгнули в сером шквале...

Прежняя жизнь кончилась за считанные минуты. Тогда я не сразу это понял.

А сейчас всё бы отдал, чтоб опять прогуляться по тому, сгнувшему городу, чтобы встретить друзей, которые так и не успели вырваться из серой тьмы. И ещё мне хотелось бы увидеть маму...

Но я уже взрослый. Я знаю, что этого никогда не будет.

Хм-м... А почему остановились?

У лежащего на боку микроавтобуса отец оцепенел, вглядываясь в дымку. И вдруг схватил меня за рукав, увлёк в боковой переулок.

Пригрезилось ему, что ли?

Лично я не заметил ничего подозрительного!

Хотел сообщить об этом отцу. Но он строго приложил палец к губам. И быстро захромал через узкие дворики.

Я шёл, не отставая. Конечно, все вопросы потом... *«Тебе ещё рановато идти первым»*.

Мы выбрались на параллельную улицу. Миновали один квартал и остановились у протянувшейся поперёк длинной лужи – казалось, она наполнена чем-то вязким, вроде мазута.

Глубокая? Проверять не хочется...

– Знаешь, что это? – спросил отец.

– *Вечная лужа*, – догадался я.

– Молодец, запомнил, – он окинул взглядом маслянисто-блестящую поверхность и вздохнул. – Стала шире с тех пор, как я её видел, – на целый метр... Но ты сможешь перепрыгнуть. Надо только посильнее разбежаться, Глеб!

Он полез в нагрудный карман рубашки и достал камешек, похожий на осколок бутылочного стекла, – тот самый, что мы нашли в гараже рядом с *ведьмиными глазками*. Протянул мне:

– Береги как зеницу ока. И не продавай – даже за большие деньги!

Вытащил из кармана пистолет:

– Держи – теперь он твой.

Дрогнувшими пальцами я принял оружие. Всё ещё не понимая, моргнул. А отец коротко обнял меня и хлопнул по плечу:

– Вперёд! Это нетрудно...

– А ты?! – хрипло выдавил я.

– Прости... У меня не выйдет, – он виновато улыбнулся. И только теперь, я – придурок и бестолочь – заметил, как набухла от крови повязка у него на ноге. Ему ведь даже стоять трудно – не то что перемахнуть эту чёртову почти трёхметровую лужу!

– Я... я никуда без тебя не пойду!

– Ты помнишь, что сказал Петрович? Надо предупредить людей. *Высшие* не должны застать их врасплох!

– Я не могу!

– Можешь, Глеб. Лужа тянется почти на километр – до самого периметра. Им долго придётся её обходить. Ты успеешь скрыться в лесу. А я... Я их задержу – насколько сумею.

Да, всё правильно! Логично. Но как несправедливо! Теперь, когда мы почти выбрались...

Так нельзя!

– Папа... – шепчу я отчаянно. И делаю к нему шаг. Хочется обнять его крепко-крепко. Мой отец – лучший на свете. И я никому его не отдам – никаким сволочам-мутантам!

Но он вдруг резко разворачивается – туда, лицом к дымке. И вскидывает обрез. Грохают выстрелы – один, другой.

– Глеб! – слышу я его умоляющий голос.

И вдруг различаю в тумане неясные силуэты. Отец опять стреляет. Но отдалённые фигуры вырастают с непостижимой скоростью – так, словно ничто не может им повредить. Вырастают и опять исчезают. Разрывные пули летят мимо, крошат стены и взметают фонтанчики земли.

Ещё немного, и *высшие* подойдут вплотную...

Я разбегаюсь и прыгаю.

Перелетаю чёрную лужу, падаю, больно ударившись коленом об осколок кирпича. Не обращая внимания на боль, разворачиваюсь и вскидываю пистолет.

Они уже рядом – три фигуры в чёрной форме. А отец лежит, опрокинутый навзничь. Обрез трехлинейки валяется далеко в стороне.

Без колебаний я жму на тугой спуск «грача». Уверен – теперь им не уйти! Трудно промахнуться с такого расстояния!

Раскатисто хлопают выстрелы.

Комочки свинца висят над *вечной лужей*. Вспыхивают среди клубящихся огненных пылинок. И раскалёнными каплями падают вниз.

Я не верю глазам – вновь и вновь давлю спуск. С тем же результатом. Словно в руках у меня не пистолет, а детская игрушка!

Бритоголовый, тот самый, что убил Йога, ухмыляется:

– Пули не пройдут – разве папа тебе не объяснил?

Твари!

Они всего в нескольких шагах от меня. А я ничего не могу сделать!

Едва я перепрыгнул лужу, над ней поднялся энергетический барьер – убийственный, неодолимый для всего живого. Только про пули я не знал!

Кажется, отец пришёл в себя. Шевельнулся, открывает глаза, поворачивается в мою сторону. Хрипит:

– Беги, Глеб!

– Как это жестоко, – вздыхает бритоголовый. – Ты ведь не бросишь своего отца, мальчик?

– Оставьте его, уроды!

– Ну, мы не такие уж уроды. И конечно, мы вас отпустим. Если ты отдашь нам маленькую и, в общем, бесполезную для тебя вещицу. Такой зеленоватый камешек... Он же у тебя – да, Глеб?

Вот ради чего всё! Вот почему они шли за нами, как стая волков. Лезли в пекло, как остервенелые! Хотя нет – в самое пекло послали Гребня с бандитами. Но этим троим – тоже досталось! Чёрная форма свисает грязными лохмотьями. У одного *высшего* перебинтована рука, другой – заметно хромот. А у главного – щека в крови. Отец все-таки зацепил? Или Петрович постарался?

Какова же цена этой «бесполезной вещицы», если мутанты готовы рисковать ради неё жизнью?!

– Камешек? Не знаю, о чём вы!

– А ты подумай...

– У меня его нет!

Откуда они могут знать? Даже *трикстерам* мы не рассказывали!

– Врать нехорошо. Очень нехорошо, – жёстко шурится вожак. И его ладонь вдруг опускается на голову отца. – Помнишь, что было с тем стариком? Ты ведь отлично всё успел разглядеть!

Я стискиваю зубы. Меня колотит, как в лихорадке. Но они не должны чувствовать моей слабости, моего страха.

«Ловкач не должен терять рассудок». Никогда.

– Вы ошиблись. Мы по мелочовке работаем – в основном берём *серый мох*. Отпустите отца и ищите свою безделушку в Зоне!

*Высший* холодно улыбается. Его пальцы неподвижны, почти расслаблены. Но у меня на глазах лицо папы начинает бледнеть. Искажается маской боли.

– Хватит! – выкрикиваю я.

– Давай сюда камень. Иначе твой отец отдаст мне жизнь – всю по капле!

– Идиоты! Даже если б у меня был артефакт, как я его передам – через барьер?

Ещё не меньше получаса ничто не сможет одолеть эту чёртову лужу!

– Никаких трудностей, мальчик. Для *Ока Дракона* это не преграда. Кидай его сюда!

*Око Дракона*? Никогда о таком не слыхал. Даже от Петровича!

Но я вдруг понимаю, как отцу удалось всадить пулю в неуловимого мутанта. И вероятно, в *мясорубке* мы тоже уцелели не просто так...

– Беги, Глеб... – едва слышно шепчет папа.

А на губах *высшего* играет довольная улыбка. Он всё точно рассчитал. Он получит артефакт, который даст этим грёбаным сверхчеловекам абсолютную неуязвимость. Тогда даже тысяча человек ни фиги с ними не сделают!

Даже без поддержки бандитов эти трое возьмут под контроль и Зону, и Колядинск.

Хотя... сейчас их стало двое. Куда делся ещё один?

Наверняка послали в обход барьера! Чтобы отрезать мне путь отступления...

– Отдай *Око*, и всё будет хорошо, мальчик. Обещаю, никто не пострадает!

Считаешь меня малолетним придурком?

Да, мне всего тринадцать. Но кое-что я уже понимаю.

Никого вы не щадите, проклятые упыри! Тем более таких свидетелей, как мы с отцом...

– Беги... – едва слышно шепчут папины губы.

А у меня перед глазами всё туманится от слёз.

И я отворачиваюсь.

Ухожу.

Там, у меня за спиной, они медленно убивают отца.

Но я уже не оглядываюсь.

Окраина.

Ржавые башни периметра вырастают из дымки. Покосившиеся столбы с провисшей, наполовину оборванной «колючкой».

За ними – тёмный лес, без птиц и зверей.

В этой чаще хватает поганых сюрпризов. Но я должен дойти. Должен дозвониться до Черепа!

Вытираю слёзы рукавом. Они мешают. И так едва различаешь дорогу.

Проклятая пелена!

А я люблю солнце, люблю день, пронизанный светом. Когда тени исчезают, сиротливо жмутся к кустам. Когда в прозрачной высоте хорошо видно одинокую птицу.

Я ненавижу туман и сумерки...

## 2. Год Чёрного Дракона. Весна

### Глава 1

...Дернулся и вскочил. Сел на краю постели.

Ошалело огляделся.

Через щель в занавесках пробивается лунный свет.

Вокруг привычно-убогая обстановка съёмной квартиры. Продавленное кресло, поцарапанный столик, колченогий табурет.

Омерзительно громко тикает дешёвый кварцевый будильник. Опять забыл вынести его на кухню!

Я дотянулся до бутылки с минералкой, сделал жадный глоток. Зачем-то пощупал рукой под матрасом – пистолет на месте.

А с нервами – что-то надо делать!

Уже несколько ночей просыпаюсь от кошмаров. И в основном снится детство...

Совсем ты расклеился, Тень! Скоро и днём начнёшь шарахаться от каждого куста...

Хотя, вероятно, этого следовало ждать. Ракетчик прав. Если целый месяц почти не вылезать из Зоны – даром такое не проходит.

Я допил воду.

Рука с бутылкой дрожала.

ТЬфу!

Может, и к лучшему, что сейчас к Зоне на пушечный выстрел не сунешься?

Удивительно удачно. ОКАМ<sup>3</sup> и полиция совместными усилиями спасают моё здоровье...

Если б они ещё и денегат подкинули – было б вообще офигенно.

Мать их так!

В голове опять лихорадочно проступили цифры: семь штук «зелёных» – на депозите в ВТБ. Около двух – налом. А надо – минимум сотню.

Максимум через неделю.

И взять неоткуда. Все знакомые – тоже на мели. Нету *ловкачам* фарта с этой грёбаной спецоперацией!

Может, оттого я хреново сплю?

Встал с дивана, захватил проклятый тикающий будильник и отправился на кухню.

Включил свет.

Без десяти три. Ну да, как и вчера... Теперь пару часов ворочаться, прежде чем опять удастся забыться неглубоким сном.

Вздыхнул и открыл холодильник.

В дверце стояла бутылка «снотворного». Я взял её, захлопнул дверцу и решительно отвинтил крышечку.

Налил себе полстакана мутноватой серой жидкости.

Пригубил.

И чего её зовут «сталкеровкой»?

---

<sup>3</sup> ОКАМ – Отдел контроля за аномалиями и мутантами.

Только в антикварных, «досумеречных» книжках сталкеры – бесшабашные искатели удачи. В жизни они – на службе государства и корпораций. Медосмотр, анализы, как у спортсменов... Вытяжки из *серого моха* – лишь в виде инъекций, под контролем медиков.

Народные рецепты – типа ста граммов *мха* на бутылку хорошей водки – не для них.

Обвешаются датчиками, как подопытные крысы, напялят бронекостюмы, вооружатся до зубов. И без толку! Все равно им не добыть штучного *товара*!

Остаётся лишь давить конкурентов...

Я скривился и залпом допил стакан.

Мы надеялись – за неделю кончится шумиха. А вышло иначе: со всей России пригнали в Нижний спецтехнику и «негров»<sup>4</sup>. Перекрыли периметр – так что даже мышь не проскочит!

Где-то вддали заголосила полицейская сирена.

Потом воцарилась тишина. Только ненадолго. Через открытую форточку долетела ругань, звуки шагов...

Звон разбитого стекла – совсем рядом. Хлопнул выстрел.

Я выключил лампу и подошел к окну. Осторожно глянул во двор.

Ярко светила луна, но из моего окна никого не видеть. Мусорный бак, припаркованная ржавая «Лада» – вот и весь натюрморт...

Угу, опять кто-то ругается.

Ну и фиг с вами! Привычная жизнь кипит на нищей окраине Нижнего. Хороший район, чтоб не бросаться в глаза полиции...

Я вернулся к столу. Отломил кусок хлеба и задумчиво прожевал.

Интересно, чего добивается ОКАМ и те, кто им командует? Реально думают подмять под себя торговлю артефактами?

Кишка тонка!

Здесь, в Нижнем, это получилось. Ну и что?

Ради этого пришлось оголить остальные Зоны. А в России их, между прочим, одиннадцать. Или уже двенадцать? Ракетчик рассказывал, под Омском что-то серьёзное начинается...

Держать всё под контролем не хватит никаких ресурсов!

Хотя для меня это мало что меняет. Несколько выгодных заказов уже сорвалось.

Чёрт, если б не Мельник – я бы давно отсюда слинял!

Ни с кем не работаю в долг – только с ним. И раньше он меня не подводил. Никогда.

Да и платил на треть больше!

Девяносто пять штук – приличная сумма. Она решила бы все проблемы. Или хотя бы главную их часть...

Мельник должен был приехать ещё в среду.

Я налил себе воды из чайника. Глотнул, запивая чёрствый хлеб. Опять включил свет, рассматривая пожелтевший настенный календарь за прошлый год.

Розы и тюльпаны, ландыши-фиалки...

А если он меня элементарно кинул?

Да, Мельник – парень честный.

Но даже честные – иногда кидают. Если соблазн слишком велик. Или имеется веская причина...

Нет у него такой причины! Какой ему смысл терять фартового *трикстера*? Со мной он заработает больше, чем с целой бригадой...

Тогда что? Проблемы с полицией?

---

<sup>4</sup> «Негры» – жаргонная кличка сотрудников ОКАМа.

Вряд ли. У него – железная «крыша». Говорят, и в Кремле его заказчики... Вариант с гоп-стопом тоже нереальный – Мельник давно не возит «наличку». Да и не лох он заезжий, чтоб по-глупому подставляться – сам из бывших *трикстеров*.

Отчего ж он, обормот, уже неделю на связь не выходит?

Я положил себе в тарелку гречки с подливой – остатки ужина и включил кухонный телевизор, настроенный на круглосуточный канал новостей «Russia International».

– ...вечернем заседании Госдумы. По словам эксперта от «Высшей России», «модернизация в масштабах страны требует решительных, хоть и непопулярных мер. Финансирование аномальных районов должно быть свернуто. Города Пенза и Самара упраздняются из федерального реестра, а население полностью эвакуируется. При этом государство будет оплачивать переезд только наиболее малообеспеченных граждан. Необходимо перейти к адресным дотациям...»

Понятно, решили сэкономить. Самары и Пензы больше не будет. Теперь вполне официально не дадут ни копейки. А кто захочет остаться, будет выживать на свой страх и риск. Трудная им предстоит зима...

Я клацнул пультом, переключая канал.

В углу появилась заставка «Euronews». Замелькали картинки видеоряда: скандирующая молодёжь, плачущая женщина в чёрном платке, полицейши со щитами, в шлемах. И голос диктора:

– ...несанкционированный митинг в Одинцово. Толпа обвинила власть в попустительстве мутантам. Ряд исчезновений и жестоких убийств связывают с так называемым «Сколковским упырём»...

Следующий сюжет – отряды полицейских разгоняют толпу.

– Представитель прокуратуры категорически опроверг эти слухи. По его мнению, их распространяют русские экстремисты. Цитата: «Сколковский упырь» – плод больной фантазии тех, кому невыгодна стабильность, кто всегда готов раскачивать лодку!»

Картинка с площади в Брюсселе:

– ...На Пятом конгрессе Общества Свободы многие выразили обеспокоенность ростом ксенофобии и мутантофобии в нынешней России. Как заявила известная правозащитница Мария Гайдар, власть слишком мягко относится к вопиющим проявлениям...

Я выключил телевизор.

«Слишком мягко», да. В сети уже проскакивала инфо – во время разгона того митинга двоих покалечили, триста повязали. Теперь во всем районе идут зачистки – гребут всех, без разбору. Президент дал указание не церемониться...

Ага. Порядок и стабильность.

Был там упырь или нет – люди-то гибнут. Я сам видел страшные фотки – это не зверь нападал.

Только ловят не мутанта, ловят русских экстремистов.

А Пензу и Самару – упраздняют...

Я нацедил себе ещё «сталкеровки» – чуть-чуть, граммов сто. Выпил и доел гречку. Потом не выдержал и налил ещё.

Что ты делаешь, Тень? Этак и спиться недолго...

К чертям политику! К чертям проклятых упырей!

Поставил тарелку в мойку, спрятал бутылку в холодильник. Погасил свет. Подошёл к окну и глянул выше крыш – туда, где проглядывали звёздные искорки.

Целую минуту так стоял. Бормотал, как пьяный:

– К чертям проклятых упырей... К чертям!

Собственно, я и правда пьяный. Да ещё слегка под кайфом – *мох* начинает действовать. Но и в этом состоянии я отлично держусь на ногах.

Я ведь *ловкач*.

Сбылась моя мечта, папа. Я стал хорошим *трикстером* – не хуже, чем ты. Может, и лучше!

Но ты был прав. Счастья это не принесло.

Двадцать семь лет – а ни дома, ни семьи...

Я и живым-то себя чувствую, только когда иду в Зону.

Иногда мне так тебя не хватает, папа...

Вышел из кухни, повалился на диван. Укрылся с головой и нырнул в забытьё. «Тьма, пустота... Хорошо», – успело мелькнуть в голове.

*... к северу от Тропы «штормило». Ещё минуту назад деревья стояли, как изваяния – припорошенные пылью листья казались высеченными из камня.*

*А сейчас налетавший ветер швырял песок в лицо. Мощными порывами едва не сдувал кепку. Казалось, он прилетел со стороны Волги – именно оттуда катились низкие свинцовые облака. Только я знаю, что снаружи, за периметром, – даже травинка не шелохнётся. И ярко светит солнце.*

*А у Зоны – свой распорядок. Жаль, его не вычислишь заранее!*

*– Надо возвращаться, – буркнул Воробей, провожая взглядом мутный шар с тускло светящейся бахромой.*

*– Тут уже рядом, – успокоил я.*

*Одна «медуза» – это ещё не капкан. Главное, держаться подальше...*

*Мы шли вдоль улицы Невзоровых, обходя то, что раньше называлось парком имени Кулибина. Порядочный крюк, но я не идиот, чтоб соваться в хаос изменённых растений.*

*ТЬфу.*

*Кажется, нас почуяли. Длинные ветки колышутся, как-то уж слишком склоняясь к нам через улицу...*

*Пришлось свернуть во дворы.*

*Этот чёртов парк разрастается с каждым годом. Ещё недавно можно было спокойно пройти по Короленко. А теперь, говорят, сплошной массив тянется к площади Горького.*

*Ничего, до следующего Большого Выброса. Зона поражения обязательно накроет изменённую дрянь. Почернелые коробки выгоревших домов – лишнее тому подтверждение.*

*Так что пылать будет до самой Ашхабадской. А если не сгорит – засохнет...*

*Мы опять повернули на север.*

*– Пару кварталов, и будем на месте, – уверенно сказал я.*

*Не первый раз тут хожу. Наизусть знаю все «дробилки» и «жучиные поля».*

*А Воробей слегка нервничает. Я его понимаю – всего полгода, как перебрался в Нижний. До этого работал только на Украине – там, говорят, Зоны спокойнее. Зато с «товаром» у нас богаче...*

*Ещё «медуза»! Висит, словно приклеенная, над автобусом у перекрёстка. Жаль. Я ведь хотел показать Воробью местную достопримечательность. В салоне за грязным стеклом – взвод полицаев. И все как живые. Разве что у прапорщика крысы отъели руку...*

*Ветер не стихает. Облака всё ниже. А иногда беззвучно проскакивают молнии – совсем рядом, среди ползущих над крышами тёмных лохмотьев.*

*Да, в такую погоду на север не лезут. Ну и что? Даже когда не «штормит», мало кто осмеливается сюда ходить. Кроме меня, и десятка человек не наберётся...*

*Мы обогнули руины высотки, дальше через сквер – мимо воронки «огненного червя». За высохшими кустами уже угадываются в дымке два старых дома – оба оплетённые «фиолетовой плесенью». Отсюда не видать, но между ними есть проход.*

*А по ту сторону – лужайка. Моя личная «ягодная лужайка»! Только растёт там не земляника. Там растут – баксы!*

*Я уверенно двинулся вперёд. И у самых домов притормозил.*

*Воробей коснулся моего плеча.*

*– Вижу, – сухо сказал я.*

*Две «медузы» плавали в воздухе – как раз у прохода. Шквальный ветер слегка сдувал их при каждом порыве – но слишком медленно. А третья – плавала над самым проходом. Невысоко – чуть выше человеческого роста.*

*Угу. Ничего удивительного – в такую погоду, в таком районе... Но, блин, какого хрена именно в этом месте, а не за квартал отсюда?!*

*Искать обходной путь?*

*Его нет. Я прекрасно знаю.*

*И ждать нельзя. Так и до темноты не успеем выбраться за периметр...*

*– Возвращаемся? – с надеждой уточнил Воробей.*

*Я смерил его насмешливым взглядом.*

*Обычно я хожу без напарника. Мало кто выносит со мной больше одной ходки. Воробей ещё неплохо держится – в третий раз вместе топчем Зону.*

*– Ладно. Раз тебе не нужны баксы...*

*– Нужны, – вздохнул он.*

*Ещё бы. Это у меня – никого. А у него – жена и ребёнок. Нелегалы-беженцы из Киева.*

*Я подмигнул:*

*– Тогда не отсвечивай и лови фарт!*

*Даже три «медузы» – ещё не капкан.*

*Мы прошли под ними.*

*Обогнули развалины гаражей. И там, во дворе, между трансформаторной будкой и стеной дома...*

*Американцы называют их cherry. «Вишни». Правда, похожи – круглые, блестящие, тёмно-коричневые. Но довольно крупные, и растут на толстых длинных ножках. Поэтому у нас они – «опята». И дают за каждый «опёнок» – не меньше десяти штук американских рублей!*

*Это у нас. В Штатах – раза в три больше.*

*«Опята» того стоят. Говорят, были случаи – даже конченые наркоманы без всякой ломки за неделю слезали с иглы.*

*Я пересчитал добычу: семь – значит, семьдесят тысяч! Люблю помогать людям.*

*Мы аккуратно срезали коричневые шарики. За год опять нарастут. Главное, чтоб никто не узнал о «ягодной лужайке»!*

*– Со мной станешь богатым! – подмигнул я Воробью.*

*Аккуратно упаковали «опята» и двинулись назад.*

*«Шторм» в разгаре. Мгла уже окутала верхние этажи. Но это пустяк. Возвращаться с «товаром» – всегда легче...*

*Теперь Воробей идёт первым.*

*Я ему доверяю. Думаю, весь маршрут железно отпечатался в его памяти.*

*Узкий проход между старыми домами. Воробей подныривает под «медузу». Две другие болтаются почти на том же месте.*

*«Порядок», – машинально мелькает у меня в голове.*

*И в этот миг я вдруг ясно различаю четвертую – притаившуюся за крупным наплывом «фиолетовой плесени».*

*Идиот! Как я мог её прощёлкать, когда шли сюда? А ось Воробей не заметит моего ляпа...*

*Делаю шаг и цепенею, будто вкопанный. У меня на глазах порыв ветра приносит ещё один мутный шар с тускло светящейся бахромой.*

*Пятая «медуза»!*

*– Капкан! – ору я отчаянно. Хотя знаю, что поздно. Воробей уже там – на пространстве, очерченном невидимой линией. А через долю мгновения линия становится реальной, ослепительно-яркой...*

*Воздух между «медузами» озаряется сполохами. Мутные шары вспыхивают пламенем. Воробей развернулся, пытается бежать назад. Ноги его не слушаются. Он споткнулся, сейчас упадёт...*

*И я бросаюсь на выручку – прямо сквозь стену прозрачного огня...*

...Истошная трель смартфона.

Я открыл глаза, сел на постели. Солнце уже пробивалось сквозь занавески. Но комната выглядела чужой, неузнаваемой. Вероятно, потому, что краем сознания я ещё там – в удивительно ясном сне.

Хотя разве это сон?

Ведь это было. Было на самом деле...

Всё, кроме последней мелочи.

Я не бросался на выручку. Воробей упал, а я смотрел и ждал. Целую минуту, пока не угасло синеватое пламя и шары не растворились в воздухе. Лишь тогда я осмелился подойти и вколол ему «нанококтейль»...

Был ли шанс вытащить его раньше?

Не знаю.

Одно ясно: если б я тоже отрубился – оба сейчас лежали бы там.

И только через годик-другой кто-нибудь случайно нашёл бы то, что от нас осталось...

Тогда я был уверен, что поступаю правильно.

После «нанококтейля» Воробей даже пришёл в себя. Я думал: повезло – худшего удалось избежать. Но через полчаса он опять отрубился. И я тащил его на себе – тащил до самой Оки. Уже в сумерках переправлял на другую сторону...

Я всё сделал правильно!

Отчего ж так паскудно на душе?!

А чёртов смартфон до сих пор надрывается и вибрирует, подпрыгивая на паркете...

Кому это не терпится с утра пораньше?

Я склонился и поднял с пола упрямый адский аппарат.

Абонент не определился.

Тьфу, аноним – хуже полица. Но я всё-таки нажал «зелёную трубочку».

Голос, искажённый цифровым модулятором, долетел из динамика:

– Тень?

– Вы ошиблись, – сухо ответил я.

– Не желаешь кататься на «труповозке» – вали из квартиры. И вообще из города!

Отбой.

Я хмуро уставился на экран смартфона. Время – 6 часов 25 минут. Хорошее, бодрое начало дня.

Мать их так! Значит, выспаться уже не удастся...

Вскочил с дивана.

Обычно не стоит доверять анонимкам. Но когда *кто-то* знает твой номер, есть вероятность, что точно так же *кому-то* известен и твой адрес.

Дислокацию пора менять в любом случае!

Как раз кидал последние вещи в рюкзачок, когда вдалеке послышался шум мотора – чуть сильнее, чем от заурядной легковушки.

Я прильнул к щели между шторами.

Удачный выбор квартиры – гарантия домашнего уюта. Пусть грязноватая и недешёвая – зато из моих окон отлично видна единственная дорога с проспекта к нам во двор.

Сейчас этим путём уверенно двигалась «труповозка» – бронированный полицейский автомобиль.

Ладно!

Я накинул лямки рюкзака. Пока они будут объезжать сквер, выскользну из подъезда. А там – нырну за соседний дом, и минут восемь – к ближайшей станции метро!

Не заметят! Успею!

Я уже в коридоре – за шаг от своей двери, когда в неё начинают звонить.

Коридорчик наполняется дребезжащей, фальшивой мелодией. Секунду они выжидают, очевидно вслушиваясь. И опять вдавливают кнопку звонка.

Я цепенею.

Остаётся надежда, что это соседу с утра пораньше понадобились спички. Или соль.

Но смотреть в «глазок» нет желания.

Категорически.

«Слишком умные для заурядных полицаев. Значит, всё-таки ОКАМ? Подъехали раньше на обычной машине. Или даже прошли квартал пешком...»

А звонок продолжает наяривать.

Но это недолго – скоро будут ломать дверь. Она здесь хорошая, стальная. Хватит минут на пять...

## Глава 2

Я метнулся к балкону. Он выходит на ту сторону. Третий этаж, по водосточной трубе за пару секунд будешь внизу!

Хотя можно и не спешить...

«Труповозка» припарковалась точно под моими окнами.

Я криво усмехнулся. Собственно, глупо было надеяться на другое!

Звонок уже стих.

То есть сейчас займутся дверью.

А у меня один вариант – тот, который нравится меньше всего.

Снял рюкзак с плеч, развязал. Достал завернутый в свитер жёсткий пластиковый пенальчик. Открыл.

Внутри два зеленоватых стерженька.

Только два осталось.

И неизвестно, когда разживусь ещё...

Один взял, второй спрятал. Завязал рюкзак. Шагнул в коридор, остановился перед дверью и вытянул руки со стерженьком вперёд – красной отметиной от себя.

Сжал кулаки, повернул их изо всех сил. И переломил стержёнок.

Несколько секунд вслушивался.

Потом щёлкнул замком, открывая дверь. И, чувствуя холодок в груди, выглянул наружу.

Я не ошибся. Точно рассчитал.

Один в штатском караулил на площадке сверху. Двое – сбоку от двери. И два полица в форме и армейских бронежилетах спешили по лестнице с инструментом – вскрывать мою несчастную дверь.

Спешили, да так и застыли – будто удивительно реалистичные восковые фигуры...

И оперативники застыли – не видя, тарачились мимо меня стеклянными глазами.

Красота!

Живые, но абсолютно безвредные.

*Морилка* не дала осечки.

Я аккуратно закрыл дверь на ключ и спустился по лестнице. Поглубже накинул капюшон куртки и вышел в утреннюю прохладу.

Скучающий у припаркованной «Тойоты» человек в штатском скользнул по моей фигуре оценивающим взглядом. Равнодушно отвернулся, покуривая сигарету. А я скрылся за углом ближайшего дома.

Только здесь ускорил шаг.

На ходу вытащил из смартфона аккумулятор и карту памяти. Карту спрятал, остальное – выкинул в ближайший мусорный бак.

И бегом бросился в сторону метро.

Кругом было безлюдно. Только где-то вдалеке махал метлой дворник.

Большинство граждан ещё досматривают самые сладкие перед побудкой сны. Это мне на руку.

Ещё минут пятнадцать группа захвата будет статуями маячить у моей квартиры. И есть вероятность, что ни один испуганный жилец не наткнётся на эту впечатляющую композицию.

Потом оперативники сами «отомрут». И как ни в чём не бывало опять займутся моей дверью.

Они ни хрена не будут помнить!

Будут долго и тщательно обыскивать квартиру...

Надеюсь, к этому времени я окажусь достаточно далеко.

В сущности, всё не так уж фатально. Они понятия не имеют, кто я. Иначе прислали бы спецгруппу ОКАМа в защитных костюмах – тогда *морилка* могла и не сработать. Да и не факт, что я успел бы её активировать.

Первое, что делает нормальная спецгруппа, – к чертям собачьим высаживает двери!

А ко мне наведались полицейские оперативники – обычные, заморённые бесконечными выездами. Представляю, как уже сидит у них в печёнках эта спецоперация!

Именно им приходится делать для ОКАМа всю черновую работу – проверять каждый сигнал сознательных граждан, каждую наводку агентуры...

Интересно, кто же на меня стукнул?

Об этой квартире не ведал никто из знакомых.

Выходит – какая-то бдительная старушка-соседка? Накатала анонимку на подозрительного юношу: «Вы его проверьте: думаю, он наркоман – *серый мох* жрёт вместо салата. Воздействует на жильцов артефактами. И вообще, никогда не вытирает ноги!»

Конфликтов у меня не было.

Я – тихий и скромный.

Но... вдруг чем не угодил?

С той истерией, которую сейчас подняли в СМИ, незаконный оборот артефактов превратился в главную проблему Отечества. Конечно, это из-за проклятых *трикстеров* сокращают бюджетников, не выплачивают пенсии. Это они, подлые *ловкачи*, мешают получать государству законный процент от торговли *товаром*. Все знают, что экспорт *серого мха* – второй, после нефти и газа, источник доходов. Поэтому назначенные президентом миллиардеры должны взять Зоны под свой контроль...

Тьфу! Чтоб они подавились!

Всё равно ведь не возьмут. Силёнок не хватит!

Да, Нижегородская Зона – самая богатая. Ну и что? И в других есть чем поживиться. Главное – знать места!

Так что основным итогом всей шумихи будет хороший доход для одного из «приблизённых» – того, кто на пятьдесят лет возьмёт в аренду нашу Зону.

Но по телевизору об этом не расскажут...

Я спустился в метро.

Удачно.

Вскочил в вагон. И поезд сразу тронулся.

Я отыскал свободное место, сел и наконец расслабился, уставившись в чёрное пространство туннеля.

Значит, сигнал граждан?

А может, ещё проще? Кто-то из моих коллег решил выдавить меня из Нижнего – руками полиции?

*Трикстер* по кличке Тень у многих давно как фурункул на заднице. Самые денежные заказы, самые лучшие условия – всё ему. Обидно...

Ради такого дела могли и адрес мой вычислить.

И анонимный звонок тогда в тему. Сдавать коллегу не по понятиям. Вот и предупредили. Добрые, честные люди!

Я окинул взглядом вагон.

Мрачные работяги, группа хорошо одетой молодёжи с дорожными сумками – очевидно, на утреннюю электричку в Москву.

Обычная публика. Аккуратные перроны сменяются за окнами.

Кто-то входит, кто-то выходит...

Город оживает. Нормальные люди спешат по своим делам.

Здесь не ждёшь опасности за каждым углом. Потому и разочаровываешься...

Говорил мне когда-то Петрович, что снаружи, за периметром, нарвёшься на подлянку куда скорее, чем в Зоне. А до сих пор не хочется в это верить...

Кто ж на такое способен?

Ширяй или Голый?

Не знаю. Времена нынче смутные – модернизация, нанотехнологии... Скоро за кусок хлеба начнут убивать!

В Зоне спокойнее, ей-богу...

Но драпать из Нижнего без оглядки и делать кому-то подарок я не собираюсь!

Есть у меня ещё кое-какие дела.

А сперва неплохо бы перекусить. Выпить крепкого чаю. А то голова будто тяжёлый чугунный шар. Да и веки начинают слипаться.

Какой из меня, на фиг, *ловкач* в таком состоянии?

Я зевнул.

Куда теперь? В центр, в моё любимое круглосуточное кафе «Русские боги»?

Не стоит.

Вероятнее всего, в розыск меня не объявляли. Но зачем лишний раз испытывать судьбу?

Вышел на станции «Проспект Гайдара». Убогий район, зато есть рядом одна уютная точка – открывается ровно в 7.30.

Я малость поколесил по округе – меняя транспорт и убедившись, что за мной нет хвоста.

А в 7.35 уже сидел в «Коньке-Горбунке», пил чай с булочкой и дожидался омлета и овсянки. Было немногочисленно. Кроме меня – несколько молодых людей и девушка, по виду, студентка.

Они негромко переговаривались. А иногда хихикали.

Я исподтишка смерил взглядом девушку – симпатичная. И если б не её компания, можно было б...

Хмуро покосился на своё отражение в стекле.

М-да. Не с моей помятой физиономией. Сегодня даже умыться толком не успел. И о чём бы мы с ней говорили? О ценах на *ведьмины глазки* и *опята*? О том, что я никогда не живу на одной квартире дольше трёх месяцев?

С девушками, в общем, аналогично – редко когда дольше этого срока...

Я отвернулся.

Допил чай, а тут и омлет принесли. Горячий, украшенный зелёным луком...

Апрельское солнце всё выше поднималось над городом. Я жевал свой завтрак и мрачно размышлял: где взять сто тысяч баксов?

Свежих идей не было. Если не считать идеей ограбить какое-то слабо охраняемое заведение. Например, планетарий. А с учётом того, что с наличкой в планетариях туго – придётся их грабить штук сто...

Тьфу.

Я покосился на телевизор у бара – без десяти восемь. Мельник – ранняя пташка, но подождём до восьми. Как раз закончится этот выпуск новостей.

Достал из рюкзака новенький мобильник с «чистой» симкой и аккуратно вставил туда карту памяти с «забытыми» номерами.

Раньше я никогда ему не звонил. Общались только через е-мэйл.

Но думаю, один раз стоит нарушить правила.

– ...волнения захлестнули столицу Уганды. Враждующие племена обвиняют друг друга в человеческих жертвоприношениях. За эти дни в столкновениях погибло свыше пятидесяти тысяч...

Камера беспощадно выхватывает тела на улицах, разрушенные дома и церковь. Крупным планом – чья-то отрубленная голова.

Я отвернулся.

Журналисты – худшая разновидность гиен. И как нарочно, подоспели к моему завтраку!

Опять показывают эту проклятую Африку!

Говорят, за последние пятнадцать лет её население сократилось в два раза. Сотни миллионов вымерли от *сумеречного синдрома*, болезней и войн. А спокойнее там не стало...

– ...В Испании ликвидирована террористическая организация христианских фундаменталистов. Полиция связывает с их деятельностью несколько исчезновений и одно жестокое убийство. На конспиративной квартире захвачено большое количество экстремистской литературы, в основном мутантофобского содержания.

– ...Скончались от голода бабушка и внучка в пригороде Бухареста. В настоящее время за чертой бедности живёт более семидесяти процентов населения Румынии...

– ...улицы Гамбурга. Столкновения полиции с забастовщиками привели к человеческим жертвам...

– ...Из-за аномальной активности отменены все вылеты в Нью-Йоркском аэропорту...

– ...Всемирный банк прогнозирует в конце полугодия экономический рост на уровне полутора процентов, что отличается от более ранних...

– ...Парижский оборотень опять замечен на Монмартре. Именно ему приписывают лозунги нецензурного содержания на куполе выставочного комплекса имени Саркози...

– ...И наконец – российские новости. Пресс-центр МВД сообщил о новом успехе в ходе спецоперации «Волга». Вчера был задержан некто по прозвищу Мельник – гражданин, подозреваемый в незаконной торговле артефактами в особо крупных размерах...

Что?!

Я уронил вилку, развернулся к телевизору. И кусок омлета чуть камнем не застрял поперёк горла.

Там, на экране, из «труповозки» выводили Мельника в наручниках.

– ...благодаря совместным действиям полиции и ОКАМа только за первые десять дней операции уже перекрыто несколько каналов нелегального сбыта...

Я залпом допил томатный сок.

– ...А теперь к новостям спорта...

Какие-то картинки ещё мелькали на экране, о чем-то бодро докладывал ведущий. Я уже не смотрел и не слушал.

Доел омлет и овсянку. Вытерся салфеткой. Глянул на мобильник и спрятал его в куртку. «Хорошо, что не успел. Совсем новый – жалко было б выкидывать...»

Не удержался, взял ещё сока. Расплатился, осушил стакан одним глотком.

Вышел из кафе и глянул в обманчиво безмятежное небо.

Эх, Мельник...

Значит, железная «крыша» и заказчики в Кремле? Что-то не сильно это тебе помогло.

Может, сами заказчики и сдали. А не фиг было с ними путаться!

Хотя не мне его судить. Он своё дело знал...

Паскудно. Обидно.

Зато теперь всё ослепительно ясно. И надеяться не на что. Девяносто пять штук помахали мне ручкой, улетая в это сказочное небо...

Скорее всего, Мельника взяли ещё неделю назад – по дороге в город, без лишних свидетелей. А сообщили только теперь, когда уже нельзя было держать в тайне.

Нет, он меня не сдаст. Вообще никого не сдаст – не тот человек! И, разумеется, использует все связи, чтобы легко отделаться.

Может, он даже получит условно. Если раньше не умрёт в камере от сердечного приступа...

Я присел на скамейку у троллейбусной остановки.

Утро началось отвратительно.

А вот какой будет вечер?

Много они сумеют из него выбить?

Вряд ли.

Деньги и банковские карты передавались через вокзальную камеру хранения. А в лицо он меня толком не знает. Всего раз встречались нос к носу – и то я был в очках, с фальшивой бородой, в надвинутом на глаза капюшоне.

Кликуху Тень я получил не зря...

Так что, с большой вероятностью, сегодняшний визит полиции – совпадение.

Но кто даст гарантии? Пресс-центр МВД?

Угу. На фирменном бланке с гербовой печатью...

Подожёл троллейбус, и я втиснулся в него.

А минут через двадцать был уже на юго-западной окраине Нижнего. Здесь пересел в маршрутку до Нагулино.

Вышел за остановку до конечной. Там, у городского периметра, – полицейский блокпост и обычно дежурит отряд ОКАМа. А я повернул на восток и пешком достиг окраины посёлка.

Шагов сто двигался вдоль берега заболоченного пруда. Потом через дамбу перешёл на ту сторону – туда, где начинался четырёхметровый металлический забор. Я шагал вдоль него, пока не увидел в кустах дыру, заделанную «колючкой».

Проволока была свежая – ещё никаких следов ржавчины. Значит, недавно успели!

Это плохо. Придётся терять время...

Но когда я приблизился – обнаружил, что кто-то уже постарался до меня. Разрезал проволоку справа и прибил к доске изнутри. Доска ходила свободно – так что получилось что-то вроде калитки.

Сделано аккуратно – если смотреть издали, хрен догадаешься!

Я отодвинул доску с «колючкой» и пролез в дыру.

По ту сторону забора тянулись ряды бараков.

Нагулинский лагерь беженцев – не самый крупный из тех, что выросли по окраинам Нижнего. И всё равно – фактически целый городок. По документам – десять тысяч. А реально раза в полтора больше народу втиснуто между лесом и прудом – на участке чуть обширнее нормального стадиона.

Поганое место.

И даже не из-за грязных улиц, покосившихся хибар и гор мусора.

Самое худшее – люди. Когда-то им обещали через пару лет переселить в нормальное жильё, обеспечить работой...

Угу. Премьер лично клялся.

А теперь тут, в лагере, уже выросло целое поколение. Они не помнят ничего, кроме этих убогих бараков, не представляют себе иной жизни... И ещё они не любят чужаков – всех, кому повезло родиться по ту сторону забора.

Раньше я ходил здесь не один – обязательно с кем-то из местных.

Сейчас – придётся рискнуть.

Хорошо, что вид у меня не выдающийся: потёртые джинсы, вылинявшая хэбэшная куртка с капюшоном, растоптанные кроссовки. Даже малость опухшая после вчерашнего физиономия – удачное дополнение к имиджу.

Авось сойду за местного...

Но вряд ли я б вообще сюда сунулся – если б это не было самым лёгким способом выбраться за периметр Нижнего в обход полицейских постов.

Впереди звенел детский смех.

У перекрёстка, рядом с большой лужей, играла стайка ребятишек. Маленькие, тощие оборвыши... Половина – белобрысые, но такие чумазые, что естественный цвет волос едва угадывается.

Ещё и лепят что-то из грязи...

Угу. Пока родители где-то за гроши вкалывают или стоят в очереди за скудными пайками, детишки развлекаются, как умеют.

Меня они встретили заинтересованными взглядами.

Глаза были умные, живые.

А чего удивительного? Это по телевизору любят рассказывать о потомственных нахлебниках, о тупых и ленивых русских пьяницах...

Но я-то знаю, что родители их – скорее всего, нормальные. Если ещё не спились от безнадёги...

Прошёл мимо.

Да, их жаль, и что с того? Они – лишние в этом городе, в этой стране. Подлый порядок – но я не в силах его изменить...

А швыряться деньгами – глупо. Запросто привлечёшь внимание кого-то не столь безобидного.

Повернул за угол.

И тут не услышал, а скорее почувствовал, что кто-то идёт за мной по пятам.

Не оборачиваясь, я аккуратно глянул в оконное отражение.

Так и есть!

Девочка, одна из той стайки...

Решил не ускорять шаг. Пусть думает, что я её не заметил.

Через пару бараков она исчезла. Но только я расслабился, опять наперерез выскочила из-за угла:

– Привет!

Смерила меня внимательным взглядом. И деловито добавила:

– Триста – за перепахнуться. Сто пятьдесят – за минет!

ТЬфу! Ей же максимум двенадцать. И на вид вроде нормальная – кукольное, невинное личико. Разве что платье и кофта – грязноватые, сильно заношенные.

Не останавливаясь, я мрачно сплюнул:

– Иди-ка ты... в школу, девочка!

– А ты не бойся, я не заразная... Или у тебя денег нет? Есть! По глазам вижу!

Чёрт!

Что она там может видеть? Разве что мою злость. Накостылять бы ей по шее да отвести к родителям! Но не сейчас... И так привлекаем внимание – две старушки на скамеечке в переулке уже навестили уши.

– Не кричи, – я натянуто улыбнулся. – Иди-ка вон туда, – махнул рукой в сторону крохотного скверика. – Жди. А я слетаю за деньгами. Ты не бойся, я – мигом!

– Хорошо, – радостно согласилась она. И порхнула по направлению к скверу.

Уф-ф...

Я торопливо исчез за углом. Не сбавляя шага, проскочил квартал. Опять повернул, запутывая след.

Но больше она не появлялась.

Значит, поверила...

На ходу я мрачно оценил своё отражение в грязном оконном стекле. Неужели у меня до того паскудный вид?

Метров через сто из-за низких барачных крыш опять показался железный забор. Тут, вдоль верха, его украшала спираль из «колючки». И кажется, имелись датчики движения.

Фактически северная граница лагеря – часть нижегородского периметра.

Но я знаю, что датчики движения давно не работают. А в заборе есть ещё одна «калитка». Местные постарались.

Я ускорил шаг.

Мне везёт. В этот утренний час в посёлке немногочисленно. И в конце улицы уже маячит забор!

Нормально.

Я двинулся вдоль периметра на запад. «Калитка» – близко, точно помню!

Ага, вон, за кустами что-то уже маячит...

Только обрадоваться я не успеваю.

Компания хмурых молодых людей возникает из-за барака мне навстречу. А из-за их спин выглядывает милая девочка – та самая. И с видом оскорблённой отличницы тыкает в мою сторону пальцем:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.